СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА

МЛАДШІЙ ВОЗРАСТЪ.

ІЮЛЬ 1869 ГОДА.

То зеркало лишь хорошо, которое
вѣрно отражаетъ.

Вып. 50

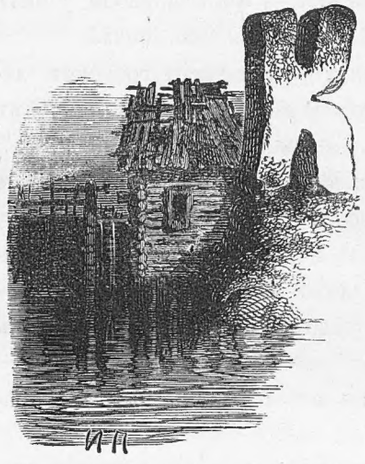
МАРТЫШКА И КОШЕЧКИ.

БАСНЯ.

У барыни одной, великой баловницы,
Двѣ были кошечки, пребойкія сестрицы;
Какъ маленькихъ дѣтей,
Ихъ барыня любила,
Ласкала, няньчила, частехонько кормила,
И поила
Съ тарелки собственной своей.
Онѣ, по истинѣ, какъ въ маслѣ сыръ, катались,
И жизнью вдоволь наслаждались.
Вотъ эту барыню — прекрасный день, весной,
Своею теплотой
Взманилъ на биржу — тамъ — пришли изъ-за границы,
На первыхъ корабляхъ, растенія и птицы,
Складъ цѣлый ящерицъ и змѣй,
Живыхъ заморскихъ куръ, звѣрей,
Собакъ безхвостыхъ, и съ хвостами,
Мохнатыхъ, съ длинными ушами,
И мелкихъ множество вещей.
Прельщали барыню зеленыя лягушки,
И ракушки, и бездѣлушки,
Но больше нравилися ей
Мартышки съ острова Мадагаскара:
Ихъ тутъ сидѣла пара,
На грязномъ ящикѣ рядкомъ;
Хотя и на цѣпи, но такъ онѣ возились,
Скакали, лазали, моргали, суетились,
Что хохотали всѣ кругомъ.
Вотъ наша барыня, хоть долго торговалась,
Но, наконецъ, одну изъ обезьянъ
Купила. Какъ та ни ломалась,
Ее сперва запрятали въ чуланъ,
Потомъ въ корзину усадили,
Веревкой накрѣпко скрутили
И съ барынею отпустили.
Чтобъ черномазую моргунью приручить,
Дней десять барыня почти съ зарей вставала
И принималася сама ее кормить;
Она ей отдавала
Всѣ лучшіе куски, за собственнымъ столомъ;
Орѣховъ и сластей, — всего ей попадало...
Малютки-кошечки со зломъ
Глядѣли на нее — ихъ зависть разбирала.
„Ужели мало мы, своихъ потративъ силъ,
Хозяйкѣ угождали?
Кувыркались предъ ней, по стульямъ, по столамъ скакали,
Чтобъ всякій насъ уродъ забилъ?
Ну, то ли намъ житье теперь, какъ прежде было?“
Шептали кошечки уныло.
„Эй полно вамъ ворчать!“ Мартышка замѣчаетъ,
Сама вздыхаетъ,
Слезами свѣтится ея умильный взоръ,
Она съ упреками имъ головой качаетъ:
„Я рвуся на просторъ,
А на цѣпи сижу,“ — Мартышка продолжаетъ,
„А вы? Вы дома здѣсь, на родинѣ своей;
Вы обѣ на свободѣ
Живете по своей природѣ,
Такъ не завидуйте же участи моей!
И ею, милыя, меня не попрекайте,
А знайте,
Если бы могла я убѣжать,
То убѣжала бы, — такъ горекъ хлѣбъ въ неволѣ!
Я часто злюсь на всѣхъ, — чтобы тоску унять,
Кривляюсь съ горя, въ тяжкой долѣ!
Дай Богъ вамъ вѣкъ не знать
Какъ горько, далеко отъ родины страдать!“
Мартышка залилась слезами, — присмирѣли
И кошечки. Съ тѣхъ поръ онѣ не смѣли
Моргунью бѣдную бранить и задѣвать.

Марія Ростовская.

ФИЗИКА ВЕЗДѢ.



Коля, Коля, какой это къ тебѣ новый учитель приходилъ сегодня,— закричали Маша и Сережа, когда Коля вошелъ къ нимъ въ комнату послѣ урока.

— Учитель физики, важно отвѣчалъ старшій братъ. Сегодня былъ у меня съ нимъ первый урокъ.

— Что, эта физика такая же интересная вещь, какъ бабушкины уроки, которые намъ читали? спросила Маша.

— Очень интересная, только не для васъ— дѣтей.

— Да и большіе не всѣ-то ее любятъ, бойко заговорила, обиженная названіемъ ребенка, Маша, — вотъ я слышала, Анастасія Ивановна говорила вчера мамашѣ, что она терпѣть не могла физики и ма-ти-ма-ти-ки, когда училась. А вѣдь она ужь большая.

— Такъ чтожь, что она не любила, мало ли кто не любитъ учиться; ей же хуже.

— А для чего эта физика, Коля? спросилъ Сережа.

— Для того, что безъ нея ничего не обходится, она вездѣ.

— Какъ вездѣ! закричали Маша и Сережа разомъ,—вотъ и тутъ, въ этой комнатѣ, около насъ! Гдѣ же она?

Коля разсмѣялся и принялся толковать имъ, что такое физика, стараясь подражать своему учителю.

— Физика вездѣ, и въ этой комнатѣ, потому что она есть наука о явленіяхъ природы, слѣдовательно, во всемъ есть физика. Напр., что ты теперь дѣлаешь? спросилъ Коля Сережу, который потиралъ себѣ руки.

— Я, сказалъ мальчикъ, нѣсколько испугавшись, я тру руки потому, что онѣ холодныя; я сидѣлъ все время у окна и рисовалъ, а отъ окна дуетъ, я и хочу согрѣть руки.

— Вотъ тебѣ и физика: ты трешь руки, чтобы согрѣть ихъ, значитъ замѣтилъ, что треніе производитъ теплоту. А вѣрно еще замѣтилъ, что треніе уменьшаетъ движеніе? Я помню, ты говорилъ недавно, что тебѣ легче возить телѣжку по комнатѣ, чѣмъ на дачѣ по саду, потому что песокъ мѣшаетъ тебѣ свободно двигать ее.

— Ахъ да! въ самомъ дѣлѣ! закричали дѣти — ну, такъ это легкая штука, твоя физика.

— Ну, нѣтъ, не совсѣмъ легкая, когда, напримѣръ, приходится высчитывать сколько времени возьметъ камень, чтобы упасть на дно колодца, въ который его бросятъ.

— А ты возьми часы, которые папаша подарилъ тебѣ на имянины, да и посмотри, такъ вотъ и узнаешь, — рѣшила Маша.

— Ну, нѣтъ, это будетъ не совсѣмъ вѣрно, отвѣчалъ Коля смѣясь;— это будетъ не точно, а вотъ я тебѣ скажу, какъ насъ учили этому въ гимназіи; я хорошо помню, потому что учитель спрашивалъ меня объ этомъ сегодня, между прочимъ, экзаменуя меня. Видишь ли, если камень въ первую секунду пролетитъ аршинъ, то во вторую пролетитъ въ четыре раза больше, въ третью въ восемь разъ больше, въ четвертую въ шестнадцать разъ больше, и т. д. Такъ для того, чтобы узнать напр. какъ глубокъ колодезь, нужно взять камушекъ, свѣсить его и бросить; тогда надо смотрѣть на часы, и увидавъ сколько секундъ онъ летѣлъ, разсчитать такъ, какъ я говорилъ вамъ. А чтобы знать, сколько онъ пролетѣлъ въ первую секунду, нужно знать вѣсъ его.

— А отчего же онъ не летитъ ровно, все по одному аршину въ секунду? спросилъ Сережа.

— Оттого, что на него дѣйствуетъ притя-

*

гательная сила земли; земля имѣетъ свойство притягивать тѣла, находящіяся на ея поверхности, къ себѣ, и конечно, чѣмъ дальше отъ нея, тѣмъ менѣе чувствительна эта сила, чѣмъ ближе, тѣмъ болѣе.

— Знаю; значитъ, когда я вчера упала и разбила себѣ носъ, такъ земля притянула меня къ себѣ?

— Да, только ты упала оттого, что потеряла равновѣсіе.

— Что это такое? спросили дѣти разомъ.

— Потерять равновѣсіе, значитъ, перемѣстить центръ тяжести такъ, что онъ будетъ далеко отъ основанія или точки опоры; тогда тѣло измѣняетъ свое положеніе. Такъ и ты; сначала держалась твердо на ногахъ, но спотыкнувшись, наклонилась слишкомъ впередъ, центръ тяжести твоего тѣла отдалился отъ точки опоры, т. е. твоихъ ногъ, и ты измѣнила положеніе, т. е. уже не стояла, а лежала на полу.

— Такъ зачѣмъ же я такъ больно разбила себѣ носъ? спросила опять Маша.

— Потому что твое тѣло стремилось къ землѣ, черезъ ея притяженіе и движеніе, которое ты дала ему, а полъ явился преградою; онъ остановилъ движеніе твоего тѣла, отчего произошелъ ударъ, т. е. ты ушиблась.

— Все это очень хорошо, если такъ; но зачѣмъ же мнѣ было перемѣщать центръ тяжести, какъ ты говоришь? Я ничего не дѣлала.

— Ты сдѣлала это сама не зная; я тебѣ говорю, что спотыкнувшись, ты слишкомъ наклонилась, оттого и упала; вотъ посмотри на подсвѣчникъ, я наклоняю его, и онъ не можетъ болѣе стоять безъ поддержки, а непремѣнно упадетъ. Помнишь, дядя разсказывалъ намъ про этотъ корабль, который опрокинулся со всѣми офицерами, матросами и гостями во время обѣда, оттого что тяжесть была распредѣлена неравномѣрно?

— Помнимъ! какъ это было ужасно! новый корабль, гости пришли осмотрѣть его и обѣдать въ главной каютѣ, вдругъ онъ наклоняется, наклоняется носомъ въ море, больше и больше и исчезаетъ. Страхъ!

— Вотъ такъ и я со своимъ носомъ, подхватила снова Маша,— носъ корабля ушелъ въ море, а мой, ударился объ полъ!

— Ахъ, вѣрно о равновѣсіи говорилъ дядя, когда сказалъ папашѣ, что его шарабанъ валкій, сказалъ Сережа.

— Ну да, отвѣчалъ Коля, его шарабанъ на высокихъ колесахъ, высоко отъ земли, такъ что тяжесть находится далеко отъ основанія, а чѣмъ далѣе центръ тяжести отъ основанія, тѣмъ тѣло имѣетъ менѣе устойчивости.

— Отчего ты все говоришь *тѣло*? спросилъ Сережа.

— Оттого, что тѣломъ называется все, что занимаетъ мѣсто, будь оно твердое, жидкое или летучее, напр. столъ—тѣло твердое, экипажъ — тѣло твердое, вода — тѣло жидкое и т. д.

Въ эту минуту въ комнату вошла няня: „Темно тутъ у васъ, мои голубчики, чай, поздно, пора и свѣчку зажечь вамъ,“ сказала она, взяла спичку, чиркнула ее по коробочкѣ и зажгла свѣчу.

— А есть тутъ физика? спросила Маша, глядя на нее.

— Конечно есть, отвѣчалъ Коля. Спичка состоитъ изъ палочки, на концѣ которой намазана сѣра и фосфоръ, покрытый сверху краской. Когда няня чиркнула спичкой, она стерла краску, фосфоръ, вещество горючее, воспламенился, зажегъ сѣру, отъ которой начала горѣть и палочка, и вотъ вамъ огонь.

— А зачѣмъ няня ждетъ немного, а не тотчасъ зажигаетъ свѣчу? спросила Маша.

— А чтобы спичка разгорѣлась, моя голубушка, отвѣчала няня.

— Да, или чтобы загорѣлось дерево, поправилъ ее Коля, няня ждетъ, чтобы и фосфоръ и сѣра сгорѣли, потому что дерево лучше горитъ и лучше можетъ зажечь фитиль свѣчки.

— Это, я вижу, очень просто, только дру-

гими словами сказано, объявила Маша; я вотъ говорю, что упала, а ты, что я перемѣстила центръ тяжести; няня говоритъ, что спичка разгорится, а ты, что сѣра и фосфоръ должны сперва зажечь дерево спички; Сережа сказалъ, что грѣетъ руки, а ты, что посредствомъ тренія онъ производитъ теплоту. Это все одно и даромъ только учиться, я и сама это все знаю, прибавила болтушка и тряхнула головкою.

— А можно такъ все объяснять безъ конца? спросилъ Сережа.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Коля, всему есть предѣлъ. Вотъ хоть бы свѣчка; отчего она горитъ, что значитъ горѣть? Горѣніе есть соединеніе какого нибудь тѣла съ кислородомъ, находящимся въ воздухѣ; значитъ, тутъ стеаринъ соединяется съ кислородомъ; это ясно, а отчего это происходитъ, зачѣмъ, нельзя объяснить.

— Вотъ тебѣ и на! сказала Маша, — ну не говорила ли я, что этакъ и я съумѣю.

Въ это время дѣтей позвали пить чай, и уходя, Сережа, толкнувъ сестру локтемъ, шепнулъ ей: „давай вездѣ отъискивать физику!“

Знаешь ли, Маша, что я замѣтилъ, сказалъ на другой день Сережа сестрѣ, — и что надо будетъ спросить у Коли, отчего, когда сняли крышку съ суповой чашки, съ нея закапали капли?

— Конечно; я тоже что-то придумала, да забыла, ну да все равно, вспомню, или другое что-нибудь выдумаю; много чего можно спросить.

— Да, это правда, сказалъ Сережа, много можно спросить, если подумаешь, что физика вездѣ.

Знаешь, что надо бы узнать и что Коля вѣрно скажетъ намъ, это то,— отчего внизу холодно, а на верху, ближе къ потолку, теплѣе? Это я замѣтила въ тотъ разъ, когда играла въ вавилонскую башню, помнишь? Я влѣзла на лежанку, втащила на нее мой столикъ, потомъ нянинъ табуретъ и потомъ мой стулъ; и когда я лѣзла все выше и выше, было все теплѣе; а когда я свалилась, помнишь, и навѣрное упала, если не уцѣпилась бы за нянину юбку, которую, кажется, сорвала съ вѣшалки, такъ я почувствовала все-таки, что на полу всего холоднѣе.

— Да, это и я замѣтилъ разъ, когда влѣзъ на коммодъ и оттуда на нянинъ шкафъ, знаешь, низенькій; онъ хоть и низенькій, да все выше отъ полу, чѣмъ я; я хотѣлъ было спросить няню, отчего это теплѣе, только она тогда сердилась на меня за то, что я балуюсь; помнишь, она поставила меня въ уголъ и хотѣла сказать мамашѣ; такъ я ужъ ничего не говорилъ, а послѣ забылъ.

— А мнѣ хотѣлось бы знать, зачѣмъ Коля учится еще съ учителемъ, когда онъ былъ уже въ гимназіи и училъ тамъ все это. Вѣдь онъ уже все знаетъ!

— Такъ вѣрно не все, если еще учится; да и потомъ, я слышалъ, что про него говорили: онъ вышелъ изъ гимназіи и теперь будетъ готовиться въ... въ не знаю что; вотъ вѣроятно это и значитъ, готовиться, если онъ будетъ повторять то, что знаетъ, съ учителемъ; ты слышала, онъ говорилъ, что учитель экзаменовалъ его, вотъ это и есть: онъ каждый годъ имѣлъ экзамены, помнишь; это онъ все повторялъ, что училъ.

— А, ну я теперь знаю, сказала Маша, и вышла изъ комнаты. Скоро она вернулась,

неся въ рукахъ большую, вкусную коврижку.

— Посмотри, Сережа, что мамаша купила намъ! сказала она брату, — она покупала апельсины и виноградъ, и купила это намъ. Давэй-ка, попробуемъ. Ахъ, какая она славная!

Дѣти положили пряникъ на столъ, взялись за руки и отъ радости начали прыгать; потомъ они принялись за коврижку съ двухъ концовъ, и скоро съѣли по большому куску, поглядывая другъ на друга, и не говоря ни слова. Тогда имъ захотѣлось пить, потому что коврижка была сладкая, но Машѣ хотѣлось чего-нибудь повкуснѣе воды.

— Ахъ, знаю! закричала вдругъ она, — я видѣла у няни бутылку сливокъ, пойдемъ попросимъ у нея глотнуть только.

— Не дастъ, глубокомысленно возразилъ Сережа.

— Все равно, попробуемъ! рѣшила Маша, и они пошли.

Въ комнатѣ няни никого не было, и сливокъ они уже не нашли, но жажда и желаніе найдти что-нибудь вкусное, мучили ихъ порядкомъ. Наконецъ Маша подмѣтила бутылку малиноваго квасу.

— Вотъ, Сережа, это хоть. А?

— А увидятъ?

— Ничего, мы выпьемъ, а послѣ и скажемъ; вѣдь для насъ же берутъ.

Бутылку взяли, но пробка была крѣпко забита.

— Досадно, сказала Маша, — да я ужь непремѣнно выпью.

— Оставь лучше, совѣтывалъ Сережа, у котораго отъ страха и жажда прошла.

— Нѣтъ, сказала Маша,—я ужь достану, не бойся. Вотъ, на лежанкѣ штопоръ, я видѣла какъ откупориваютъ, я сдѣлаю.

— Маша, Маша, оставь, пожалуйста пойдемъ прочь.

Но Маша уже вертѣла штопоромъ въ пробкѣ, только разумѣется ничего не могла сдѣлать. Она долго возилась; отъ усилій и отъ жара печки, которая топилась, ей стало еще жарче, квасу еще больше хочется; но вдругъ, о чудо! пробка сама съ шумомъ вылетаетъ, только не одна, за ней слѣдуетъ потокъ квасу, который разогрѣлся и не имѣлъ болѣе мѣста въ бутылкѣ. Маша испуганная, удивленная, стояла съ бутылкой въ рукѣ, смотря на квасъ и не понимая что съ нимъ дѣлается. Сережа расплакался. Наконецъ квасъ пересталъ течь, Маша успокоилась, оглянулась и принялась живо тянуть его изъ бутылки. Сережа, видя, что Маша пьетъ, унялся, посмотрѣлъ на нее и самъ захотѣлъ пить, подошелъ къ ней и робко дернулъ ее за платье. Маша отдала ему бутылку и, напившись, шалуны убѣжали.

Вечеромъ Коля снова вошелъ въ дѣтскую передъ чаемъ.

— Ну, что вы дѣлаете? спросилъ онъ.

— Мы тебя ждали, отвѣчала Маша, намъ нужно многое у тебя спросить.

— Что же такое?

— О физикѣ, отвѣтила Маша съ удареніемъ на физикѣ.

— А, еще не забыли, сказалъ Коля, ну, спрашивайте.

— Вотъ что, сказала Маша, отчего въ комнатѣ у потолка тепло, а у пола холодно.

— И отчего за обѣдомъ, когда сняли крышку съ супницы, съ нея закапали капли, прибавилъ Сережа.

— Видите ли, началъ Коля, супъ былъ горячій и съ него шелъ паръ, который остывалъ на холодной крышкѣ и образовалъ капли; этихъ капель было такъ много, что когда крышку сняли, то онѣ закапали съ нея. Помнишь, Сережа, какъ ты вчера держалъ руки надъ паромъ отъ самовара, и сказалъ, что онѣ влажныя? Вотъ такъ и здѣсь, только пару было больше, а крышка холоднѣе твоихъ рукъ.

— И это тоже физика? спросила Маша.

— Конечно, отвѣчалъ Коля, вода, превращенная въ пары, сгущается и изъ паровъ опять превращается въ воду.

— Ну, а мой вопросъ? напомнила Маша.

— Вы вѣрно знаете, что въ комнатѣ топятъ, слѣдовательно воздухъ въ ней теплый, а снаружи холодно; но холодный воздухъ проходитъ и въ теплую комнату, отъ оконъ, изъ-подъ дверей, въ щели; онъ тяжелѣе теплаго, нагрѣтаго воздуха, и оттого остается внизу, у пола, а теплый поднимается къ верху, и остается у потолка. Теплородъ...

— Что такое теплородъ? спросили дѣти.

— Теплородъ, это теплота, которая существуетъ и которую мы ощущаемъ въ воздухѣ, въ тѣлѣ, въ нагрѣтыхъ вещахъ, и т. п. Если холодно, то значитъ теплорода мало, а не то что его совсѣмъ нѣтъ, этого быть не можетъ. Такъ я говорилъ, что отъ теплоты тѣла дѣлаются легче, и расширяются; это тоже одно изъ свойствъ теплорода.

— Охъ вы, баловники мои! сказала няня входя, нивѣсть что всегда придумаютъ. Вы бы ихъ, Николай Андреичъ, уму разуму понаучили маленько, а то вѣдь такіе шалуны прыткіе, прости Господи! — и полусмѣясь, полустрого, няня погрозила имъ. Дѣти переглядывались и посмѣивались, но молчали.

— А что они опять сдѣлали? спросилъ Коля.

— Да вотъ квасъ выпили не спросясь. Добро бы еще только выпили, на здоровье, на здоровье, голубчикамъ, сердешнымъ, да вѣдь всю лежанку-то и полъ передъ ней облили, право; жаль смотрѣть, квасу-то сколько пропало! И ухитрились же сами штопоромъ бутылку откупорить, вотъ вѣдь шустрые! ей Богу!—и няня засмѣялась, прибавивъ: вѣрно моя Марья Андревна изволила?

— Ну, няня, не сердись, сказали дѣти, мы выпили и мы же пролили; вѣдь все равно, мы другой разъ тебя попросимъ, сами не будемъ, а ты ужь не прольешь.

Няню позвали изъ другой комнаты и она вышла.

— Чего вы смѣетесь? спросилъ Коля.

— Знаешь что? живо начала Маша, вотъ что. Я хотѣла откупорить квасъ, т. е., нѣтъ, бутылку, вертѣла штопоромъ, вертѣла, вертѣла, ничего не могу сдѣлать, нѣтъ и нѣтъ; вдругъ пробка сама вылетѣла, съ такимъ шумомъ, и квасъ полился, полился изъ бутылки; лился, лился, да самъ и пересталъ, мы тогда и напились. Отчего это было, ты не знаешь?

— Вотъ тебѣ опять физика и то, что я только что вамъ говорилъ, что отъ теплоты тѣла расширяются. Ты держала бутылку въ рукахъ, теплота твоихъ рукъ сообщилась квасу, онъ нагрѣлся...

— Да она еще передъ печкой-то стояла! воскликнулъ Сережа.

— А, ну и тѣмъ болѣе. Квасъ нагрѣлся, т. е. теплородъ проникнулъ между его *атомами* и расширилъ ихъ, въ бутылкѣ было мѣсто квасу такому, какимъ онъ былъ прежде въ объемѣ, слѣдовательно, когда онъ расширился, ему надо было больше мѣста, онъ вытолкнулъ пробку и вышелъ самъ, въ такомъ количествѣ, на сколько онъ увеличился. Остальное осталось въ бутылкѣ.

— Что значитъ атомъ? спросили дѣти.

— Атомомъ называется самая малая частица какого нибудь тѣла, такая маленькая, что ее не разглядѣть; всякое тѣло состоитъ изъ соединенныхъ между собою атомовъ; въ пространствахъ между ними, находится воздухъ.

— Это я что-то не совсѣмъ понимаю, сказала Маша.

— И я тоже, сказалъ Сережа.

— Экіе вы, право! Ну вотъ, посмотрите! сказалъ Коля и разложилъ на столѣ нѣсколько картъ. Между каждой картой есть промежутокъ, видите? Ну, представьте себѣ, что каждая карта есть атомъ какого нибудь тѣла, а эти промежутки—воздухъ между атомами. Теперь представьте, что отъ дѣйствія теплоты, воздухъ расширяется и раздвигаетъ атомы, такъ какъ я отодвигаю карты одну отъ другой; вѣдь онѣ заняли больше мѣста?

— Да, видимъ.

— Такъ и квасъ; когда атомы отъ теплоты расширились, имъ надо было больше мѣста.

— Ну да, теперь я вижу, сказала Маша; пробка и вылетѣла, такъ какъ эта карта падаетъ со стола, оттого что я подвигаю другую, а квасъ не весь вышелъ, тоже какъ эти карты, которыя не всѣ упали.

— Ахъ да! и я вижу! сказалъ Сережа.

— Теперь понимаете.

— Ты сказалъ какое-то слово, котораго я не знаю, сказала Маша, что-то кислое?

— Кислородъ! сказалъ Коля. Это часть воздуха. Воздухъ состоитъ изъ смѣси кислорода, азота и угольной кислоты; кислорода больше всего; онъ очень пріятенъ для дыханія, но если бы онъ былъ безъ азота, то мы бы очень скоро умерли; мы дышали бы слишкомъ легко и скоро. Азотъ одинъ тоже вреденъ, мы задохлись бы. Угольная кислота тоже необходима нашимъ нервамъ, она заключаетъ въ себѣ много кислорода. Отъ того, на сколько того, другаго или третьяго въ окружающемъ насъ воздухѣ, зависитъ его вліяніе на насъ.

— Вотъ иногда говорятъ: удушливый воздухъ, сказалъ Сережа, что это значитъ?

— Значитъ, что мало кислорода, а много азоту.

— А отчего говорятъ, что растенія полезны въ комнатахъ? спросила Маша.

— Оттого, что они имѣютъ свойство вбирать въ себя азотъ, а выпускать угольную кислоту; это увеличиваетъ количество кислорода въ воздухѣ комнаты, и черезъ это очень полезно, отвѣчалъ Коля.

— Ахъ, знаешь, что я вспомнила! вскричала Маша. Анастасія Ивановна говорила о какихъ-то лекціяхъ прошлый разъ, и я слышала что она сказала: о пользѣ растительности на земномъ шарѣ. Что бы это было? ты вѣрно знаешь, Коля?

— Польза отъ растительности очень велика; изъ деревьевъ можно строить дома, корабли, дѣлать разныя нужныя вещи, дровами можно топить, а кромѣ того деревья очищаютъ воздухъ, какъ я вамъ уже говорилъ, тѣмъ, что вбираютъ азотъ, а выпускаютъ угольную кислоту. При этомъ надо замѣтить, какъ мудро устроено такъ, что бы всего было довольно, а не слишкомъ много; деревьямъ и растеніямъ нуженъ азотъ, какъ намъ нуженъ кислородъ; можетъ случиться такъ, что въ этомъ году, выросло очень много деревьевъ; онѣ поглотятъ много азоту и выпустятъ много угольной кислоты. Воздухъ будетъ чище и пріятнѣе намъ, людямъ, но деревьямъ онъ будетъ вреденъ, многія умрутъ, засохнутъ. Тогда на слѣдующій годъ ихъ будетъ уже менѣе, а азоту болѣе, и имъ будетъ хорошо. Потомъ опять отъ большаго количества азоту, больше будетъ деревьевъ. Такимъ образомъ, постоянно уравнивается пропорція составныхъ частей воздуха.

— Что такое пропорція? спросилъ Сережа.

— Это количество одной части въ отношеніи къ другой, т. е. больше ли или меньше того, сравнительно съ другимъ.

— А что мы вбираемъ въ себя изъ воздуха? спросила Маша.

— Мы, отвѣчалъ Коля, принимаемъ въ себя кислородъ, а выпускаемъ азотъ. Оттого, когда много людей соберутся въ одномъ мѣстѣ, бываетъ иногда душно, напр. въ церквахъ, въ театрахъ, и т. д.

— Ну, а теперь пора собираться въ столовую, пить чай, замѣтила Маша, только тамъ никогда не бываетъ душно.

— Оттого что насъ мало, а комната большая, отвѣтилъ Коля.

осмотри, Коля, какой у меня славный пистолетъ, и какъ громко стрѣляетъ, сказалъ Сережа брату, когда тотъ, по обыкновенію, пришелъ поболтать съ дѣтьми вечеромъ.

— Вижу, вижу, а кто тебѣ его далъ? спросилъ Коля.

— Анастасія Ивановна привезла мнѣ съ вербы.

— Т. е. съ рынка, который бываетъ въ гостиномъ дворѣ на Вербной недѣлѣ, поправилъ Коля.

— Убью! закричалъ въ это время Сережа, стрѣляя во входящую Машу. Раздался выстрѣлъ отъ пистона, которымъ былъ заряженъ пистолетъ, и осталось облачко дыму; все это очень нравилось Сережѣ, онъ представлялъ себя уже офицеромъ на войнѣ, глядя на огонь и дымъ своего пистолета, а пока, всѣ домашніе были врагами и подвергались опасности отъ новой игрушки.

— Ужь это онъ меня сто разъ убивалъ, говорила Маша, храбро подходя къ Сережѣ, заряжавшему снова пистолетъ.

— Вѣдь и тутъ не обойдется безъ физики! напомнилъ дѣтямъ Коля.

— Неужели! вскричали дѣти.

— Конечно, но кромѣ того тутъ есть еще механика. Вотъ напримѣръ, когда Сережа поднимаетъ курокъ, то онъ поворачивается на винтикѣ и опускается отъ дѣйствія пружины, которая была натянута и которая, отъ давленія палочки подъ ручкой пистолета, сжимается. Это дѣло механики. Физикѣ-же принадлежитъ выстрѣлъ; видите, что Сережа кладетъ пистонъ въ это углубленіе; пистонъ состоитъ изъ веществъ воспламеняющихся, курокъ, ударяя въ него съ силою, производитъ воспламененіе, т. е. видно пламя и слышенъ выстрѣлъ; горошинка, вложенная въ дуло, вылетаетъ изъ него отъ расширенія воздуха при воспламененіи, и отъ силы горючаго вещества, заключеннаго въ пистонѣ.

— У тебя, Маша, ничего такого не будетъ, дразнилъ ее Сережа.

— Ахъ, будетъ, увидишь, что будетъ! отвѣтила Маша, задѣтая за живое.

— Какъ-же у тебя будетъ? сказалъ Сережа; — дѣвочкамъ вѣдь ничего такого недадутъ, сама знаешь.

— Да ужь будетъ! повторяла Маша, и боясь насмѣшекъ братьевъ, за то, что хвалится, а ничего не дѣлаетъ, ушла искать что нибудь, что дало бы ей возможность стрѣлять. Она сѣла въ няниной комнатѣ и стала думать. Много плановъ явилось у ней, но ни одинъ ей не нравился, все не то. Наконецъ съ горемъ призналась она себѣ, что одна ничего не сдѣлаетъ, надо просить помощи у кого нибудь поумнѣе.— Отчего я ничего не знаю и не умѣю! съ досадой говорила она,— вѣдь правду говорятъ, что за что я ни возмусь, все испорчу, все сломаю, да и я знаю, что другаго ничего не сдѣлаю. Вотъ это хуже всего. Мнѣ ужасно хочется все дѣлать самой, ни у кого не спрашивать, ничего не просить. А отчего Сережа такой хомякъ? А что значитъ хомякъ? Вотъ я его такъ называю, а и сама не знаю что это. Знаю, что должно быть правда, потому что всѣ говорятъ, что я хорошо придумала, и смѣются. Я знаю какой Сережа, и, можетъ быть, понимаю, что значитъ хомякъ, а сказать только не могу. А отчего-же я не могу говорить какъ большіе? Когда я что нибудь разсказываю, всѣ смѣются, оттого что я смѣшно говорю, а они не понимаютъ меня, я знаю это. А отчего же они не понимаютъ? И зачѣмъ всѣ говорятъ, что я шалю и что я никому не даю покоя? Вѣдь я не шалю. Вотъ вчера я только хотѣла выпить квасъ, а няня потомъ сказала, что я баловница. Вѣдь мнѣ хотѣлось пить, а не проливать квасъ. И потомъ всѣ говорятъ, что Сережа лучше меня, что онъ смирный. Отчего онъ смирный? Вотъ у папаши смирная лошадь, а вѣдь никто не говоритъ, что она лучше меня. И зачѣмъ меня бранятъ за шалости? Развѣ это дурно? А что значитъ дурно? Какъ нужно дѣлать дурное? Я бы хотѣла знать. Вотъ, спрошу я у няни; она скажетъ, что когда я пролью квасъ — это дурно, или разорву платье, тоже дурно; а мамаша скажетъ, что не слушаться дурно, лѣниться дурно, лгать дурно, сердиться дурно, а от-

чего это дурно? И я знаю, что многіе лгутъ, и большіе, я знаю. И большіе знаютъ чего нельзя дѣлать, а все-таки дѣлаютъ; я слышу, какъ говорятъ: это дурной человѣкъ, этотъ крадетъ. А какъ выглядятъ воры? Я думаю, они совсѣмъ черные. А если тутъ воръ? Маша, испугавшись, стала оглядываться; въ комнатѣ было совсѣмъ темно, и Маша, сидѣвшая въ уголку, не рѣшалась пройдти черезъ всю комнату и уйдти прочь. Сердечко ея сильно забилось, ей сдѣлалось страшно, передъ глазами стали ходить круги, круги, больше и меньше, ближе и дальше, въ ушахъ зазвенѣло; она всматривалась въ темноту, напрягала зрѣніе, круги сдѣлались красные, желтые, зеленые; она съ напряженіемъ слушала, ей слышались разные звуки, голоса, слова, крики. „Воръ!“ вертѣлось у ней въ головѣ, и представлялось ей, что и подъ кроватью, и за шкафомъ, и подъ ея стуломъ, воръ, непремѣнно черный.

Дверь отворилась и вошла няня. „Няня!“ сказала Маша нетвердымъ голосомъ.

— Ахъ ты Господи! Фу! испугала! экая баловница! съ сердцемъ заговорила няня. И гдѣ она сидитъ-то здѣсь, прости Господи, не видать въ потемкахъ-то! Ну, сударыня, что ты здѣсь дѣлаешь? Зачѣмъ одна сидишь? Чай все шалости на умѣ! Охъ Господи! вотъ бѣда мнѣ съ этой егозой. Не углядишь, не усмотришь. Все проказы! Машинъ страхъ еще не совсѣмъ прошелъ, она молчала. Сначала ее бросило въ жаръ, потомъ ей стало холодно, дрожь пробѣжала по ея тѣлу, она поблѣднѣла. „Мнѣ холодно, няня, дай мнѣ кофточку,“ просила она.

— Холодно! Кофточку! сердито повторяла няня. Зачѣмъ тебѣ кофточку, и отчего тебѣ холодно? Ишь, поблѣднѣла. Охъ, нуженъ за вами глазъ да глазъ!

— Няня, право же я не шалила и окно не отворяла, и въ форточку не смотрѣла, говорила Маша, и дрожала какъ въ лихорадкѣ. Слезы начинали душить ее.

— Признайся лучше, сударыня, не то, право, мамашенькѣ пожалуюсь.

Долго приставала няня, наконецъ Машу позвали чай пить, и она ушла. Весь вечеръ Маша была кислая, а когда ее уложили въ постельку и она осталась одна, она разрыдалась и расплакалась, сама не зная чего.

— И зачѣмъ няня разсердилась? вертѣлось у ней въ головѣ; я вѣдь ничего не дѣлала; а можетъ быть надо было что нибудь сдѣлать. А мой пистолетъ? А отчего Сережа хомякъ? А воръ черный?

Всю ночь ей снились воры и она громко вскрикивала.

На другой день Маша и забыла про свое горе, но не забыла про свой пистолетъ. Какъ быть. „Спрошу у няни,“ подумала она, но вспомнила вчерашній вечеръ и сердечко ея опять забилось, но не отъ страха. „Я не люблю няню, она такая злая!“ подумала она; „я ничего не хочу у нея просить, я не хочу съ ней говорить, я никогда, никогда не забуду, какая она гадкая!“ шептала Маша съ такой злобой, что слезы навернулись на ея глазахъ.

Въ это время няня вошла. Вставай, моя голубушка, заговорила она, встань серденько. Посмотри, какая погода-то чудная. Встань; къ уроку не поспѣешь, мамзель будетъ сердиться.

Пока Маша одѣвалась, она все сердилась и ей непріятно было, что няня все около нея.

— А пистолетъ-то какой у Сергѣя Андреича, сказала няня, и рады-то они какъ, всѣхъ въ домѣ уже убили! Няня затронула чувствительную струну Маши. Она вздохнула.

— Что, и тебѣ такого хочется? спросила няня.

— Хочется, отвѣчала Маша, да не отъ куда взять.

— Ишь, все вѣдь шалить. А ты попроси у маменьки.

— Не дастъ. Мнѣ такого нельзя. Скажетъ: дѣвочкамъ не годится, говорила Маша. Нянѣ стало жаль Машу.

— А хочешь, я тебѣ достану. Мой Петя тебѣ сдѣлаетъ.

— Няня, душечка, милая, пожалуйста, заговорила Маша, — мнѣ вотъ какъ хочется.

— Сдѣлаетъ, Петя сдѣлаетъ. Ты только достань мнѣ гусиное перо, да цѣльное.

— Будетъ, будетъ, а скоро?

— Да минутъ десять все же надо возиться.

— Только? Ахъ, няня! какъ я рада!

Какая я злая! думала Маша, какъ я сердилась на няню, она вѣдь добрая. Право, мнѣ хочется все ей разсказать, и попросить прощенія. А вдругъ она скажетъ: вотъ ты какая ядовитая! и нечего не сдѣлаетъ. Нѣтъ, я ужь лучше не скажу. А Петя? Петя славный мальчикъ, онъ все сдѣлаетъ. А отчего Сережа не такой. Всѣ люди разные. А отчего Петя говоритъ: я для васъ, барышня, все сдѣлаю. Что я ему? А ему надо будетъ подарить что-нибудь. А если онъ обидится? Я нянѣ дамъ, чтобы она ему снесла. Я ему дамъ яблоко, которое мнѣ дали; пожалуй, онъ другой разъ ничего не сдѣлаетъ, если я попрошу. А гусиное перо я попрощу у маменьки. А отчего люди все разные? думала Маша, пока шла за перомъ, послѣ уроковъ.

— Милая мамаша! дай мнѣ цѣльное гусиное перо! — просила Маша.

— А зачѣмъ тебѣ?

— Ну, пожалуйста, дай!

— А ты скажи зачѣмъ.

— Да такъ.

— Такъ ничего не бываетъ. Скажи, зачѣмъ, такъ дамъ.

— Ну, пожалуйста! выговорила Маша, но уже съ трудомъ. Слезы опять подступали и сердце билось.

— Скажи. Иначе не дамъ.

Маша вышла изъ комнаты и въ корридорѣ остановилась и сѣла на полъ въ углу. Слезы быстро закапали.

— Для меня ничего не хотятъ сдѣлать! говорила она сдерживаясь, и сердце ея сжималось. Послышались шаги. Маша встала, отерла слезы и пошла прочь, стараясь казаться веселою и попрыгивая.

— Папаша, дай мнѣ цѣльное гусиное перо.

— Зачѣмъ тебѣ? Въ урокахъ вы пишите стальными.

— Дай, пожалуйста, съ усиліемъ повторила Маша.

— Да отчего ты не занята, поди учись.

Маша ушла, но уже не плакала, а только потряхивала головой.

У Пети нашлось и гусиное перо. Пистолетъ былъ готовъ; Петя принесъ его и сталъ учить Машу стрѣлять. Трубочку изъ гусинаго пера надо было проткнуть сквозь ломтикъ сыраго картофеля, такъ, чтобы оба конца были заткнуты, потомъ вложить ручку пистолета тонкимъ концемъ въ перо, и толкнуть кусочекъ картофеля; сжатый воздухъ выталкивалъ противуположный кусочекъ, и раздавался выстрѣлъ, довольно громкій. Можно себѣ представить радость Маши. Поблагодаривъ Петю, она пошла въ дѣтскую, расположилась со своими ломтиками картофеля у окна, какъ охотникъ подъ деревомъ, и терпѣливо стала ожидать дичь, т. е. Сережу.

Вотъ онъ идетъ! Пафъ! И кусочекъ картофеля больно ударилъ его въ лобъ. Не успѣлъ онъ разглядѣть, что это, какъ другой попалъ ему въ ухо. Маленькая плутовка скоро заряжала и вѣрно цѣлила. Сережа схватилъ свой пистолетъ, выстрѣлилъ, но горошинка была сухая и легкая, она отскочила отъ Машинаго плеча не замѣченная, а сырой и плотный кусочекъ картофеля, больно щелкнулъ Сережину щеку.

— Что у васъ такое? спросилъ Коля входя.

Дѣти въ жару перестрѣлки не могли отвѣчать.

— Ай, ай, меня-то пощадите, миръ, миръ! кричалъ Коля, получивъ горошинку въ носъ и картофель въ шею. Сережа и Маша остановились перевести духъ и разсмѣялись.

— Вотъ я говорила, что достану, и достала! самодовольно сказала Маша.

*

— Покажи! просилъ Сережа. Маша дала имъ посмотрѣть.

— Ого! сказалъ Коля, славно придумано. Это основано на упругости воздуха.

— Разскажи, пожалуйста!

— Вы знаете, что воздухъ вездѣ есть? началъ Коля, и въ этой трубочкѣ гусинаго пера также; Маша плотно закрываетъ оба отверстія картофелемъ, такъ что воздухъ снаружи не можетъ войдти, а изъ внутри не можетъ выйдти. Потомъ палочка подвигаетъ одинъ кусочекъ къ другому, разстояніе уменьшается, воздухъ сжимается; сжимается онъ до тѣхъ поръ, пока болѣе не можетъ, тогда по упругости своей, онъ стремится занять прежнее мѣсто, расширяется снова, и выталкиваетъ картофель.

— А что такое упругость? спросилъ Сережа.

— Упругость—свойство тѣлъ приходить въ первое свое состояніе, когда причина, сжимавшая ихъ, перестаетъ дѣйствовать. Напр. подушки на креслахъ въ гостиной; сядешь на нихъ, онѣ опустятся, встанешь, опять поднимутся.

— А развѣ воздухъ тѣло? спросила Маша.

— Да, тѣло летучее; онъ тоже имѣетъ силу, и большую, какъ и паръ, который вы считали такимъ слабенькимъ; подумайте, въ этой трубочкѣ Маша сжала вѣдь очень мало воздуху, а у него хватило силы вытолкнуть картофелинку; такъ если сжать большое количество его, то можно потолкать что-нибудь и потяжелѣе.

— А разскажи намъ о парѣ? просили дѣти.

— Другой разъ; теперь пора гулять, васъ уже зовутъ, отвѣчалъ Коля.

(Продолженіе будетъ.)

КОШКѢ ИГРУШКИ, А МЫШКАМЪ СЛЕЗКИ.

День 16 іюня 1842 года, былъ, не скажу самымъ счастливѣйшимъ днемъ въ моей жизни, но по крайней мѣрѣ однимъ изъ самыхъ пріятныхъ. Да и не для одной меня день этотъ былъ такъ особенно хорошъ. Много дѣтскихъ сердецъ также, какъ и мое, бились съ самаго утра радостнымъ ожиданіемъ. Дѣло въ томъ, что въ этотъ день, всѣхъ насъ, воспитанницъ пансіона госпожи К., распускали домой на каникулы. Постигнуть вполнѣ все очарованіе слова „каникулы,“ могутъ только тѣ дѣти, которыя воспитываются не дома, а въ какихъ нибудь учебныхъ заведеніяхъ. Въ этотъ день, когда я встала по утру съ постели, въ дортуарѣ пансіона, и подошла къ окну, я увидѣла какъ и всегда множество кровель, и цѣлый полкъ трубъ, возвышавшихся надъ нами. Изъ окна третьяго этажа, выходившаго въ узкій дворъ, ничего другаго не было видно. Обыкновенно этотъ видъ производилъ на меня очень непріятное впечатлѣніе. Онъ мнѣ каждое утро живо напоминалъ, что я не дома, потому что окна моей маленькой спальни дома выходили на большую площадь, со сквером на срединѣ. Каждое утро, глядя на эти кровли, я съ грустью расчитывала, сколько дней еще осталось до субботы, т. е. до той блаженной минуты, когда изъ множества звонковъ у пансіонской двери, раздастся одинъ, послѣ котораго войдетъ горничная и произнесетъ, обращаясь ко мнѣ, эту дорогую, милую моему сердцу фразу:

— За вами, барышня, пришли.

Я не была лѣнива, я любила учиться, но кто живетъ въ дѣтствѣ внѣ стѣнъ родительскаго дома, тотъ вдвое цѣнитъ прелесть домашняго очага и общество близкихъ родныхъ. Но въ этотъ день, 16 іюня, даже видъ кровель и трубъ доставилъ мнѣ удовольствіе, потому что, глядя на нихъ, мнѣ пришло въ

голову, что я не буду ихъ видѣть цѣлыхъ шесть недѣль. Въ дѣтствѣ, шесть недѣль кажутся такимъ огромнымъ пространствомъ времени, которому нѣтъ и конца, особенно, если всѣ эти шесть недѣль предстоитъ отдыхать отъ занятій на свѣжемъ воздухѣ, среди зелени, послѣ зимы, проведенной въ душныхъ, пансіонскихъ стѣнахъ. Я имѣла въ этотъ годъ причины радоваться вдвойнѣ противу другихъ годовъ.

У меня была бабушка, одна изъ тѣхъ милыхъ, добрѣйшихъ старушекъ, о которыхъ внучата даже на старости собственныхъ лѣтъ не могутъ вспоминать иначе, какъ съ теплымъ чувствомъ умиленья и самой живой любви. Бабушка эта, овдовѣвъ, жила постоянно и лѣто и зиму, на такъ называемой мызѣ, на берегу Невы, верстахъ въ сорока съ небольшимъ отъ Петербурга. Для насъ, ея внучатъ, эта мыза была чѣмъ-то въ родѣ обѣтованной земли. Попасть туда и гостить у бабушки считалось верхомъ благополучія. Но наслаждаться этимъ блаженствомъ мнѣ, также какъ и двоюроднымъ моимъ сестрамъ и братьямъ, приходилось никакъ не долѣе недѣль двухъ или трехъ въ лѣто. Это происходило отъ того, что насъ было очень много. У бабушки было пять дочерей и четыре сына. Четыре дочери были замужемъ и всѣ сыновья женаты. У всѣхъ были дѣти. Когда въ большіе праздники собирались мы всѣ у бабушки, то для однихъ дѣтей накрывался столъ, болѣе чѣмъ на двадцать человѣкъ. Судите сами, какой бы былъ шумъ и гвалтъ на мызѣ, еслибъ вся эта ватага гостила тамъ въ одно время. Но такъ какъ каждому изъ насъ, начиная отъ самыхъ большихъ до самыхъ маленькихъ, непремѣнно хотѣлось попасть туда и погостить у бабушки, то мы чередовались въ продолженіи лѣтнихъ мѣсяцевъ, такъ что домъ бабушки былъ всегда полонъ внучатъ: однихъ привозили, другихъ отвозили. Грустно было уѣзжать оттуда, да нечего дѣлать. Надо было уступить мѣсто другимъ.

Въ этотъ же годъ, бабушка давно сказала мнѣ, что я и двоюродная сестра моя Катя, прогостимъ у ней всѣ каникулы. Это было обѣщано намъ отчасти какъ награда за то, что мы хорошо учились и отчасти потому, что мои родители, также какъ и Катины, оставались это лѣто въ городѣ.

Въ самомъ веселомъ расположеніи духа сѣли мы всѣ пансіонерки въ этотъ день, 16 іюня, за классные столы. По правдѣ сказать, ученье не шло намъ на умъ и мы безпрестанно посматривали въ окна, вмѣсто того, чтобы смотрѣть въ книги. Мнѣ казалось, что и погода въ этотъ день какъ-то особенно хороша.

— Das Haus, des Hauses, dem Hause, твердила я, приготовляя нѣмецкій урокъ, послѣдній изъ уроковъ, послѣ котораго нашъ классъ долженъ былъ разъѣхаться по домамъ, — а между тѣмъ, въ головѣ моей такъ и мелькала то березовая аллея, которая вела къ подъѣзду на мызу, то лугъ подъ горушкой, который особенно любила я, когда на немъ возвышались копны только-что скошеннаго сѣна, и сирени въ саду, и лѣсъ, куда мы ходили за грибами, и огородъ, гдѣ росли крыжовникъ, вишни, малина и прочія прелести. Нѣмецкія склоненія рѣшительно мнѣ не давались.

— И вѣдь нужно же было, думала я, чуть не плача, распускать насъ на каникулы сегодня, когда придетъ нѣмецкій учитель. Нѣмецкіе уроки самые трудные изъ всѣхъ уроковъ. Что бы было распустить вчера послѣ танцкласса. Ужь хоть бы поскорѣе приходилъ этотъ несносный нѣмецкій учитель!

И отъ окна глаза мои перебѣгали къ часамъ. Наконецъ пробило десять часовъ, пришелъ и нѣмецкій учитель. Кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, протянулся урокъ до половины перваго. Нѣмецкій учитель ушелъ и начали раздаваться безпрестанные звонки, отъ которыхъ у каждой изъ насъ сильно вздрагивало сердце. Но не такъ-то скоро выбрались мы въ этотъ день изъ пансіона. Ма-

дамъ К. призвала насъ къ себѣ и долго, долго читала намъ наставленія о томъ, какъ мы должны вести себя дома, какъ не должны гулять и играть съ утра до вечера, а каждый день хоть часъ или два посвящать на занятія уроками и проч. Мы слушали ее, скромно сложивъ руки и стараясь изобразить на нашихъ лицахъ, будто мы вовсе не ждемъ съ пламеннымъ нетерпѣніемъ конца ея длинной рѣчи. Наконецъ, рѣчь кончилась.

— Adieu, mes enfants, conduisez-vous bien, сказала госпожа К.

И мы высыпали цѣлою гурьбою въ зало, а оттуда въ переднюю.

Какъ же мы летѣли въ это утро внизъ по пансіонской лѣстницѣ, прыгая на площадкахъ чрезъ двѣ и три ступени!

— Барышня, постойте, куда вы такъ бѣжите!

— Упадете, ушибетесь, я маменкѣ скажу!

— Вишь, какъ летитъ-то! Вѣдь шею себѣ сломаетъ. Оленька, Оленька! побойся Бога! гдѣжь мнѣ старухѣ поспѣть за тобой? — раздавались позади насъ восклицанія присланныхъ за нами горничныхъ дѣвушекъ и нянюшекъ. Но эти восклицанія терялись безслѣдно, заглушаемыя нашимъ говоромъ и смѣхомъ.

Почтенный нѣмецъ настройщикъ, жившій въ четвертомъ этажѣ и подымавшійся домой по лѣстницѣ, встрѣтился съ нами; „mein Gott! mein Gott!“ пробормоталъ онъ смиренно прижавшись къ стѣнѣ.

Но вотъ мы уже и на улицѣ! Ахъ, какъ чудно сіяло въ этотъ день надъ нашими головами небо, чистое, голубое! И воробушки-то перепархивали съ мѣста на мѣсто веселѣе обыкновеннаго. Не знаю какъ другимъ, но мнѣ казалось, что все, что видятъ мои глаза, облито въ этотъ день какимъ-то радостнымъ, праздничнымъ свѣтомъ. Нарядныя дамы, проходившія мимо насъ, точно будто улыбались. Разносчики газетъ торопились весело куда-то. Экипажи сновали взадъ и впередъ быстрѣе обыкновеннаго, будто сидѣвшіе въ нихъ спѣшили на какой-то праздникъ. Пробѣжалъ мимо меня мальчикъ, съ огромной бутылью, задѣлъ за тумбу,— бутыль чуть не разбилась. На лицѣ мальчика сначала выразился испугъ, но когда онъ убѣдился, что бутыль цѣла, то захохоталъ такъ громко, такъ радостно во всю ширину своего, безъ того уже широкаго, рта, что я глядя на него также засмѣялась и во всю остальную дорогу, когда вспоминала о немъ, начинала смѣяться сама не зная чему.

Дома меня ожидало пріятное извѣстіе. Тетя моя, мать моей двоюродной сестры Кати, ѣхала чрезъ два дня на мызу къ бабушкѣ и сказала, что заѣдетъ за мной. Эти два дня прошли въ приготовленіяхъ. Мнѣ готовили бѣлье, платья, а я укладывала мои книги, тетради, игрушки.

Стыдно признаться вамъ, но я все-таки признаюсь: мнѣ было уже двѣнадцать лѣтъ, а я все еще страстно любила играть въ куклы и въ разныя игры. Когда собиралось гдѣ-нибудь наше дѣтское общество, то я всегда была учредительницею и главною распорядительницею игръ, и всѣ дѣти, даже и тѣ, которыя были постарше меня, повиновались мнѣ и выполняли въ играхъ тѣ роли, которыя я имъ назначала.

Чрезъ два дня тетя съ Катей въ самомъ дѣлѣ заѣхали за мной. Какъ ни рвалась я домой изъ пансіона, какъ ни любила сестеръ моихъ и братьевъ, но въ этотъ день я оставляла все и всѣхъ безъ сожалѣнья. Я знала, что осенью и зимой я буду дома каждый праздникъ и по воскресеньямъ, и на Рождествѣ, и на масляницѣ, и на Святой, а провести всѣ каникулы у бабушки, мнѣ еще никогда не приводилось. Къ тому же въ городѣ становилось уже душно и пыльно, негдѣ было ни гулять, ни бѣгать, а на мызѣ было такъ хорошо въ густыхъ аллеяхъ сада, на поляхъ и въ лѣсу, а по вечерамъ на берегу рѣки. На мызѣ Катя и я застали еще двухъ двоюродныхъ братьевъ, Колю и Гришу, и двухъ двоюродныхъ сестеръ Тоню и Сашу.

Намъ предоставили полную свободу. Мы могли гулять гдѣ хотѣли, и играть какъ хотѣли, и когда хотѣли. Только чтобы съ нами не случилось какой нибудь бѣды, то бабушка велѣла Марьѣ Никифоровнѣ, пожилой дѣвицѣ, жившей у ней чѣмъ-то въ родѣ экономки, присматривать за нами. Марья Никифоровна насъ не стѣсняла. Она сама была рада лѣту и съ удовольствіемъ готова была вездѣ идти съ нами. Первое время погода стояла прекрасная и мы съ утра до вечера были на воздухѣ. То бѣгали по саду, то ходили въ лѣсъ, *то удили рыбу*, то катались на лодкѣ. Старшій изъ двоюродныхъ братьевъ, Коля былъ гимназистъ VI класса, считалъ себя большимъ и положительно не хотѣлъ имѣть съ нами, дѣтьми, никакого дѣла. Онъ постоянно держался особнякомъ отъ насъ и называлъ насъ ребятами. Меньшой Гриша, былъ, ровесникъ намъ съ Катей. Онъ также былъ не прочь подражать брату и при каждомъ удобномъ случаѣ любилъ относиться къ намъ, какъ къ дѣтямъ, выказывая передъ нами тонъ воображаемаго превосходства. Но такъ какъ онъ былъ еще настоящій ребенокъ, то не выдерживалъ принятаго на себя тона и во всѣхъ почти прогулкахъ бывалъ нашимъ участникомъ и спутникомъ.

Чрезъ двѣ недѣли по пріѣздѣ нашемъ на мызу погода измѣнилась. Пошли дожди, пришлось сидѣть въ комнатахъ. Намъ стало скучно. Что дѣлать? Приготовлять уроки, какъ учила госпожа К., не хотѣлось. Вопреки ея совѣтамъ, мы всегда откладывали приготовленіе уроковъ до послѣднихъ дней, отчего, правду сказать, и выходило то, что мы не поспѣвали всего хорошенько выучить.

Кузина Тоня, тихаго, спокойнаго характера дѣвочка, принялась за вышивку, которую привезла съ собой и проводила утро или въ комнатѣ у тети, сидя подлѣ нея и работая, или внизу около бабушки. Сначала и мы съ Катей и даже маленькая Саша, попробовали также взяться за наши рукодѣлья и пришли внизъ въ бабушкину гостиную, гдѣ старушка по утрамъ обыкновенно читала въ большихъ креслахъ у окна. Но намъ скоро показалось это очень скучно, хотя бабушка не стѣсняла насъ.

— Ничего, ничего, мои ласточки, говорила она намъ, говорите громко, смѣйтесь, играйте, бѣгайте, если хотите,— вы мнѣ не мѣшаете.

Но мы сами какъ-то уже понимали, что говорить громко, смѣяться и бѣгать, когда она читаетъ, нейдетъ, и потому вели бесѣду въ полголоса. Только по временамъ, восьмилѣтняя Саша не выдерживала серьезной роли и, долго крѣпясь, вдругъ взглянувъ на насъ, принималась хохотать безъ всякой церемоніи. Тогда мы всѣ начинали шикать на нее, укоризненно качать головой и шепотомъ старались доказать ей, какъ неприлично ея поведеніе. Я первая ускользнула изъ гостиной и пошла на верхъ. На лѣстницѣ встрѣтился мнѣ Гриша съ книгой въ рукахъ. Онъ держалъ ее раскрыто. Я замѣтила, что въ книгѣ картинки.

— Ахъ, Гриша, что это у тебя за книга съ картинками? сказала я. Покажи мнѣ. Гриша далъ мнѣ книгу. Картинки были очень занимательны. Онѣ изображали осаду какого-то замка рыцарями въ шлемахъ, короля сидящаго на тронѣ, передъ которымъ стоялъ плѣнникъ со связанными руками, окруженный стражей, процессію монаховъ, нарядныхъ дамъ съ перьями на головахъ, сидящихъ въ какихъ-то ложахъ, а передъ ними на коняхъ сражались рыцари и проч.

— Дай мнѣ почитать эту книжку, Гриша?

— Этой, я не могу дать, я самъ ее читаю; а если хочешь, я тебѣ дамъ другихъ такихъ же, у меня много.

— Дай пожалуйста. Откуда у тебя эти книги?

— Это, тѣ самыя, которыя мнѣ въ нынѣшній годъ на елку подарили, да все нѣкогда читать было.

Я пошла за Гришей въ комнату, гдѣ онъ жилъ съ братомъ.

— Вотъ на, сказалъ онъ, отворивъ шкапикъ и вынувъ изъ него нѣсколько книгъ. Это все разные историческіе разсказы. Прочитаешь, такъ умнѣе будешь.

Я схватила книги, побѣжала съ ними въ нашу большую дѣтскую и развалясь на канапе принялась читать. Скоро пришла и Катя и мы стали читать вмѣстѣ. Историческіе разсказы очень мнѣ понравились. воображеніе мое разыгралось. Читая о подвигахъ какихъ-нибудь героевъ, о знаменитыхъ короляхъ и королевахъ, о разныхъ великихъ людяхъ, совершившихъ что нибудь необыкновенное, я такъ живо входила въ ихъ положеніе, такъ проникалась ихъ интересами, мыслями и чувствами, что стала наконецъ воображать себя на ихъ мѣстѣ. Вскорѣ я бросила книгу, вытащила изъ комода большой клѣтчатый платокъ, драпировалась имъ въ видѣ тоги, то есть завязала большимъ узломъ на плечѣ, и вышла на середину комнаты. Катя и четырнадцатилѣтняя наша горничная, Паша, сидѣвшая у стола въ дѣтской и штопавшая намъ чулки, смотрѣли на меня во всѣ глаза, и съ изумленіемъ слѣдили за всѣми моими движеніями.

Примѣрила вѣнокъ себѣ на голову, и посмотрѣлась въ зеркало (стр. 266).

— Катя, смотри, вскричала я, я буду представлять Демосѳена. Я буду говорить рѣчь противъ Филиппа Македонскаго!

Я притащила скамейку на середину комнаты и влезла на нее; но тутъ я вспомнила, что въ древности былъ обычай увѣнчивать, прославившихся чѣмъ нибудь людей, вѣнками.

— Ахъ, вскричала я, вѣдь мнѣ надобно вѣнокъ!

— Зачѣмъ? спросила Катя.

— Затѣмъ, что когда я кончу рѣчь, ты должна захлопать въ ладоши и надѣть мнѣ его на голову. Такъ поступали въ древности. Вѣдь, мы съ тобой читали, что на олимпійскихъ играхъ побѣдителей въ кулачномъ бою, бросаніи диска, въ гонкахъ колесницъ и въ скачкахъ на лошадяхъ, награждали масличнымъ вѣнкомъ; на пиѳійскихъ играхъ лавровымъ, на Немейскихъ плющевымъ. Посмотри и на картинкѣ, — видишь, вотъ стоитъ какой-то господинъ и играетъ на флейтѣ, у него вѣнокъ на головѣ. Это вѣрно какой нибудь знаменитый музыкантъ или какой нибудь актеръ. И говоря это, я подбѣжала къ столу, отыскала въ одной изъ книгъ картинку и показала ее Катѣ.

— Вотъ что, проговорила она понявъ мою мысль. Такъ ты хочешь представлять то, что здѣсь написано. Какъ въ театрѣ?

— Ну да, да, конечно, подтвердила я.

— Ахъ, да вѣдь это славно! какъ будетъ весело! И я буду представлять, вскричала Катя.

Она соскочила съ канапе, захлопала въ ладоши и заскакала отъ восторга.

— Я ужасно люблю театръ! Жаль только, что у насъ кулисъ нѣтъ, прибавила она.

— А ширмы-то, сказала я, указавъ на мягкія, тростниковыя ширмы съ синимъ каленкоромъ, которыя стояли въ глубинѣ комнаты и раздѣляли ее на двѣ части. За ширмами стояли наши кровати.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! вскричала Катя и подбѣжала къ ширмамъ.

— Давай, поставимъ ихъ вотъ такъ. Мы позовемъ Тоню и Сашу смотрѣть на наши представленья, и Гришу...

— Не надо Гришу, возразила я, онъ будетъ насмѣхаться надъ нами.

— Ну такъ тетю.

— Да погоди еще созывать всѣхъ! Сперва надо все устроить, да посмотрѣть, какъ пойдетъ. Вотъ еще прежде всего, мнѣ надо лавровый вѣнокъ...

— Такъ какъ-же быть-то? сказала Катя, взглянувъ на меня съ опечаленной физіономіей. Она испугалась того, что если мы не достанемъ настоящаго лавроваго вѣнка,— то невозможно будетъ и представлять безъ него.

— У бабушки въ гостиной, прибавила она, стоятъ на окнахъ три лавровые дерева; да вѣдь, я думаю, она не позволитъ намъ оборвать ихъ, чтобы сдѣлать вѣнокъ. Нѣтъ! ни за что не позволитъ, она такъ любитъ цвѣты.

— Да и не нужно совсѣмъ обрывать ихъ. Все равно, какой ни сдѣлать вѣнокъ. Пусть Паша сходитъ, нарветъ хоть ивовыхъ вѣтвей. Мы только должны думать, что это будетъ лавровый вѣнокъ.

— Паша, прибавила я, обратясь къ нашей горничной, сходи, нарви намъ,— только больше, какъ можно больше, — цѣлый передникъ,— ивовыхъ вѣтокъ... Ты знаешь, тамъ въ огородѣ двѣ ивы?

Паша была очень трудолюбивая, но серьезная, молчаливая, часто даже угрюмая дѣвочка. Она была сирота и бабушкина крестница. Бабушка баловала ее, какъ обыкновенно балуютъ дѣтей, родившихся и выросшихъ въ домѣ и Паша позволяла себѣ больше, чѣмъ кто-либо другой изъ прислуги. Ее не всегда можно было заставить сдѣлать то, что не нравилось ей, и если она находила что нибудь дурно, то не стѣсняясь, высказывала свое мнѣніе и спорила, не слишкомъ церемонясь въ выраженіяхъ. Во всемъ домѣ было только одно лицо, котораго она боялась. Это была ее тётка Марѳа, бабушкина горничная. Но за то тетки своей Паша боялась какъ огня. Марѳа обращалась съ ней очень строго, даже сердито, трепала ее часто за уши—и не разъ Паша, благодаря только заступничеству бабушки или тёти, избѣгала колотушекъ.

Когда я обратилась къ ней съ просьбой, она взглянула въ окно и отвѣчала:

— Куда я еще пойду вамъ въ огородъ! Развѣ вы не видите, что дождь идетъ? Въ огородѣ мокро, въ грязи утонуть можно!..

— Ну, Паша, голубушка, пристали мы къ ней съ Катей, сходи пожалуйста. Мы бы сами пошли да насъ не пустятъ.

— Все вы глупости выдумываете, отозвалась Паша. Нечего вамъ дѣлать-то и...

— Паша, убѣждала я ее съ жаромъ, вѣдь намъ непремѣнно надо сдѣлать вѣнокъ, я буду представлять Демосѳена, знаменитаго оратора.

— Да какое мнѣ дѣло, какого вы тамъ оралу будете представлять! Ужь пошли у васъ затѣи! Знаю, что только всю комнату вверхъ ногами перевернете, а тамъ послѣ убирай за вами. Нѣкогда мнѣ бѣгать по огородамъ, у меня дѣло есть: вотъ всѣ эти чулки надобно сегодня заштопать.

— Паша, милая Паша, душечка, клянчили мы до тѣхъ поръ, пока наконецъ однообразный, умоляющій тонъ нашихъ голосовъ надоѣлъ ей до того, что она рѣшилась сходить въ огородъ, чтобы отвязаться отъ насъ.

Она ушла съ воркотней и минутъ чрезъ десять возвратилась, принеся въ передникѣ цѣлый ворохъ ивовыхъ вѣтвей. Мы броси-

лись на нихъ и принялись плести вѣнки. Такъ какъ мы обѣ были не очень искусныя рукодѣльницы, то вѣнки вышли довольно неуклюжіе. Но что за дѣло до этого? Я все-таки съ гордостью примѣрила мой вѣнокъ себѣ на голову, и посмотрѣлась въ зеркало.

Паша разразилась громкимъ смѣхомъ. Катя также улыбалась. Это меня немножко сконфузило.

— Чему жь ты смѣешься? спросила я Пашу съ досадой.

— Еще бы не смѣяться, отвѣчала она, вы точно факельщикъ въ этомъ вѣнкѣ. И вѣнка-то порядочно сдѣлать не съумѣли, прибавила она съ пренебреженіемъ.

Эти слова сильно уязвили мое самолюбіе. Но надо сознаться, что въ сравненіи Паши была доля правды. Вѣнокъ былъ слишкомъ великъ, не по моей головѣ. Листья густо спускались внизъ по моему лицу и шеѣ,— все это въ самомъ дѣлѣ напоминало отчасти шляпу факельщика и придавало моей физіономіи очень жалкій видъ.

— Еслибъ ты имѣла какое-нибудь понятіе объ исторіи, возразила я, съ чувствомъ собственнаго достоинства, повернувшись въ моемъ вѣнкѣ къ Пашѣ, такъ ты бы знала, что тутъ дѣло идетъ совсѣмъ не о такихъ мелочахъ, какъ сдѣланъ вѣнокъ. Великіе люди никогда не обращали вниманія на такіе пустяки. Главное въ томъ, какъ я рѣчь скажу. Вотъ ты сперва послушай, а потомъ и смѣйся.

— Хоть бы я десять исторій выучила, отвѣчала Паша, такъ все бы не могла смотрѣть на васъ безъ смѣха.

— Ты ничего не понимаешь, отвѣчала я презрительно и отвернувшись занялась приготовленіями къ моей роли.

Катя помогала мнѣ. Мы вытащили ширмы на середину комнаты. При началѣ представленія Катя должна была открыть ихъ какъ кулисы. Она же должна была изображать въ своемъ лицѣ народъ, который долженъ былъ рукоплескать мнѣ. За тѣмъ, ей предстояло съ тріумфомъ, при звукахъ музыки, увѣнчать меня. Катя также нарядилась. Она драпировалась платкомъ, только на голову, вмѣсто вѣнка, надѣла воронку изъ бумаги. Она увѣряла меня, что это шлемъ, хотя я ясно видѣла, что это была воронка. Напрасно я говорила Катѣ, что совсѣмъ не надо шлема. Онъ ей такъ нравился, что она ни за что не хотѣла разстаться съ нимъ. Музыку изображалъ мѣдный тазъ, въ который было положено колотить линѣйкой. Паша сильно возстала противъ этого, говоря, что мы исцарапаемъ тазъ, но мы ее не послушались, да и что значило нѣсколько царапинъ на тазѣ въ сравненіи съ рѣчью Демосѳена! Я сняла съ головы моей вѣнокъ и мы положили его на комодъ, къ которому пригородили стулъ, воображая, что это эстрада.

— Теперь слушай, сказала я Катѣ, выйдя опять на середину комнаты—вотъ здѣсь, въ этой комнатѣ, Грецiя, тамъ, прибавила я, указывая на запертую дверь — въ тѣхъ комнатахъ Македонія. Тамъ живетъ Филиппъ Македонскій, врагъ нашъ. Онъ хочетъ покорить насъ. Я буду убѣждать греческій народъ, — ты вообрази, что вся эта комната полна народу, который меня слушаетъ,— чтобъ онъ взялся за оружіе и шелъ бы сражаться противъ Филиппа. Когда я буду говорить рѣчь, ты почаще хлопай въ ладоши, потому что я буду говорить очень хорошо. Народъ долженъ быть въ восторгѣ. Когда же кончу, ты возьми въ руки тазъ, подойди ко мнѣ съ музыкой и скажи, что народъ такъ тронутъ моимъ краснорѣчіемъ, что непремѣнно хочетъ увѣнчать меня лавровымъ вѣнкомъ. Тогда я наклоню голову въ знакъ согласія и благодарности. Ты иди впередъ къ эстрадѣ съ музыкой, я пойду за тобой, ты влѣзь на комодъ, достань вѣнокъ, а когда будешь надѣвать его мнѣ на голову, такъ опять скажи нѣсколько словъ въ похвалу мнѣ. Теперь начнемъ.

Я отправилась за ширмы, куда перетащила скамейку, и встала на нее.

Катя отодвинула ширмы.

— Греки! воскликнула я торжественно, закинувъ назадъ голову и вытянувъ горизонтально правую руку для большаго эффекта.

— Греки! повторила я, и замолчала, потому что рѣшительно не знала какъ продолжать. Я сильно сконфузилась и покраснѣла. Занявшись приготовленіями къ роли, я совсѣмъ забыла подумать о самомъ главномъ—о рѣчи. Вдругъ мнѣ показалось, что Паша усмѣхнулась.

— Греки! воскликнула я въ третій разъ, и за тѣмъ проворно заговорила: слушайте, что я вамъ скажу! Тамъ, на Сѣверѣ, — я указала на дверь,—живетъ Филиппъ Македонскій. Онъ злой, жадный король. Онъ хочетъ завоевать нашу землю, нашу прекрасную родину. Вооружитесь противъ него, ничего не бойтесь. Правда, что онъ могущественъ, но смѣлымъ Богъ владѣетъ! Ура! мы всѣ, всѣ, начиная съ дряхлыхъ убѣленныхъ сѣдинами старцевъ, до дѣтей, возьмемся за оружіе и прогонимъ Филиппа изъ нашего отечества, если онъ осмѣлится придти къ намъ! Берегись Филиппъ! горе тебѣ! Горе! Кровожадный король! воскликнула я, и погрозила на дверь кулакомъ. Я замолчала, потому что больше не хватило у меня ораторскаго краснорѣчія, и сдѣлала головой знакъ Катѣ. Катя захлопола въ ладоши и исполнила все, какъ я предписывала ей. Въ ту минуту, какъ она возлагала на меня вѣнокъ и говорила рѣчь, выразительно жестикулируя, за недостаткомъ словъ, — дверь распахнулась и вбѣжала Саша.

— Обѣдать ступайте! вскричала она. И вдругъ остановилась въ недоумѣньи.

— Ха, ха, ха, залилась она звонкимъ смѣхомъ, какая ты смѣшная, Варя, ты вѣрно цыганку представляешь? Ты бы лучше на голову бусы да ленты надѣла, чѣмъ эти листья; цыганки очень любятъ бусы.

— Молчи, пожалуйста, не мѣшай намъ, отвѣчала я, сильно негодуя за то, что она сочла мой костюмъ за цыганской.

— Что, супъ подали?

— Нѣтъ еще.

— Ну такъ мы успѣемъ кончить.

Катя къ великому изумленію Саши забарабанила въ тазъ, я стала раскланиваться на всѣ стороны воображаемому народу. За тѣмъ, также при звукахъ музыки, величественною поступью удалилась за ширмы, которыя Катя задвинула за мной.

— А! теперь понимаю! вскричала Саша, вы театръ представляете! Ахъ, какъ жаль, что надо идти обѣдать, я бы посмотрѣла!

— Мы опять будемъ представлять послѣ обѣда, сказала Катя. Теперь моя очередь. Я буду играть.

— И я хочу, и я! Вѣдь вы возьмете меня? Дайте мнѣ роль, — вы не бойтесь, я хорошо выучу. Вѣдь я всегда хорошо знаю мои уроки; спросите у Натальи Андреевны, просила Саша. Наталья Андреевна была гувернантка Саши и ея сестеръ.

— Хорошо, дадимъ, дадимъ, отвѣчала я, чѣмъ больше есть кому играть, тѣмъ веселѣе.

— Только я не хочу представлять оратора, вскричала Катя, это скучно! я возьму что нибудь другое!

И мы веселой гурьбой, болтая и смѣясь, побѣжали внизъ въ столовую.

Представленія до того вскружили намъ голову, что мы въ продолженіе обѣда сидѣли какъ на иголкахъ, нетерпѣливо дожидаясь когда онъ кончится.

Лишь только встали мы изъ-за стола, какъ тотчасъ побѣжали опять на верхъ въ дѣтскую. Тоня тоже присоединилась къ намъ.

— Слушайте, слушайте, вскричала Катя, что я придумала! Я весь обѣдъ думала о томъ, что мнѣ представлять. Оттого мнѣ и ѣсть не хотѣлось. Бабушка спрашиваетъ: „что ты, моя ласточка, здорова ли, что ты ничего не кушаешь?“ А я такъ бы вотъ и выскочила сейчасъ изъ-за стола.

*

— Ну, чтожь ты придумала? спросили мы всѣ, окруживъ ее.

— Вотъ что — я буду представлять побѣдителя, который возвращается съ тріумфомъ въ Римъ. Помнишь, мы давича читали, прибавила она обратясь ко мнѣ. Я въѣду на торжественной колесницѣ, сзади меня будутъ прикованы къ колесницѣ двое плѣнныхъ: цари какіе-нибудь. Они будутъ въ оковахъ. Вокругъ моей колесницы конечно долженъ толпиться народъ. Онъ будетъ кричать отъ восторга. Колесница подъѣдетъ къ Капитолію и тамъ мнѣ также надѣнутъ лавровый вѣнокъ, какъ я тебѣ давича надѣла, Варя... Это будетъ чудесно! Только мнѣ непремѣнно надо сдѣлать себѣ бороду. Борода такъ идетъ къ шлему. Ее можно сдѣлать изъ пакли.

Программа этого спектакля была принята съ единодушнымъ одобреніемъ.

Мы начали толковать о томъ, кто будетъ играть другія роли, необходимыя въ этомъ представленіи.

— Жаль, воскликнула Тоня, что насъ такъ мало, если я да Варя будемъ играть плѣнныхъ, останется одна Саша. Некому будетъ представлять народъ.

Это справедливое замѣчаніе опечалило насъ и отчасти охладило пылъ нашей фантазіи.

— Да, правда, проговорили мы и стояли молча, не зная, какъ помочь горю.

У насъ точно руки опустились.

— Вотъ давича, сказала Катя, когда Варя представляла Демосѳена, совсѣмъ не было народа, одна я только и вертѣлась. Оттого ужь совсѣмъ не такъ хорошо и выходитъ, какъ бы надо было. Тоня взглянула на Пашу. Мы съ Катей поняли ея взглядъ и переглянулись между собой. Мы съ нею знали, что звать Пашу играть съ нами совершенно безполезно. Она только бы нагрубіянила намъ.

— Ахъ, вотъ, что я вамъ скажу! вскричала Саша, захлопавъ въ ладоши и подпрыгивая на одной ножкѣ. Хотите, я попрошу бабушку, чтобъ она позволила позвать дворовыхъ дѣвочекъ играть съ нами. Бабушка позволитъ, я знаю. Она мнѣ все позволяетъ, что только я ни захочу, за то, что я маленькая... ну, и здѣсь вѣдь я въ гостяхъ у неё. Я все разскажу бабушкѣ зачѣмъ намъ ихъ надо.

— Пожалуй, въ самомъ дѣлѣ, проговорили мы помолчавъ немного.

— Еслибъ бабушка позволила, замѣтила Катя, такъ славно было бы! Сейчасъ прибавилось бы четыре. Поварова бы Даша, да Груня — двѣ, прачкина Аксютка — три, да кучерова Настя — четыре. Вотъ бы у насъ и народъ былъ. Мы ихъ также нарядили бы, мантіи надѣли и шлемы надѣлали. Ай, да умница Саша, что придумала! Поди-ка скорѣй, проси бабушку.

— А если бабушка откажетъ, замѣтила Тоня.

— Ну тогда мы пойдемъ всѣ вмѣстѣ и будемъ просить ее. Тетѣ скажемъ, чтобы она ее попросила. Бабушка согласится! Вѣдь только на сегодняшній вечеръ. Вѣдь позволяетъ же бабушка дворовымъ дѣвушкамъ ходить съ нами за грибами въ лѣсъ, отчегожь ей не позволить поиграть имъ съ нами.

— Прачкиной Аксюткѣ некогда играть съ вами. Она качаетъ больнаго брата Тишку,— рѣзкимъ голосомъ замѣтила Паша, не принимавшая до тѣхъ поръ участія въ нашемъ разговорѣ.

— Ну, прачка сама покачаетъ, возразила Катя, которой хотѣлось, чтобы ея представленіе вышло, какъ можно эффектнѣе и блистательнѣе.

— Прачкѣ некогда качать его, она бѣлье гладитъ.

— Ахъ, Паша, пожалуйста молчи, возразила съ досадой Катя. Ты очень любишь вмѣшиваться въ то, что до тебя не касается. Если бабушка позволитъ Аксюткѣ играть— такъ ужь прачка найдетъ кому качать Тишку. Ступай, Саша, проси.

— Проси, проси, подтвердили мы съ Тоней, — да поубѣдительнѣе.

Саша убѣжала. Паша надулась, какъ мышь на крупу, и еще усерднѣе принялась за свое штопанье.

Нѣсколько минутъ прошло въ тревожномъ ожиданіи.

Явилась Саша съ сіяющей физіономіей и радостнымъ извѣстіемъ. Бабушка позволила намъ позвать дѣвочекъ и прислала вмѣстѣ съ Сашей Марью Никифоровну, посмотрѣть что у насъ дѣлается. Тогда-то началась у насъ суматоха. Мы отправили за дѣвочками Пашу, которая теперь не смѣла ослушаться насъ, потому что сама бабушка позволила, а мы накинулись всѣ на Марью Никифоровну, разсказывая ей, всѣ за разъ, планъ нашего представленія, прося ея совѣта и помощи въ затруднительныхъ случаяхъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ пришли дворовыя дѣвочки. Лица ихъ выражали недоумѣнье и радость. Онѣ были не прочь поиграть съ нами. Двѣ изъ нихъ, Даша да Настя, были постарше. Грунѣ и Аксюшкѣ было лѣтъ по восьми или девяти. Аксюшка была общая наша любимица. У нея было широкое, румяное лицо, съ курносымъ носомъ и очень большимъ ртомъ, въ которомъ видны были прекрасные бѣлые зубы, когда Аксюшка смѣялась. А смѣялась она очень часто. Вся ея физіономія выражала сметливость, бойкость и, вмѣстѣ съ тѣмъ, что-то прямое и добродушное, что дѣлало ее вмѣстѣ и забавною, и симпатичною. Въ добавокъ, Аксюшка сильно шепелява. Сердце у нея было предоброе. Она всегда, когда ей случалось бывать съ нами, готова была, какъ говорится, вылѣзть изъ кожи, чтобы угодить намъ.

Мы встрѣтили нашъ *народъ* громкими изъявленіями восторга и принялись прежде всего мастерить костюмы себѣ и имъ. Прежде всего намъ понадобилась пакля для бородъ и бумага для шлемовъ. Марья Никифоровна, къ которой мы обратились съ просьбой снабдить насъ и тѣмъ и другимъ, послала за паклей и за бумагой Пашу, которая ушла, ворча себѣ что-то подъ носъ. Въ ожиданіи ее, мы стали надѣвать себѣ и нашему народу на шею платки и передники въ видѣ тогъ и мантій. Дѣвочки ничего не понимали, но смотрѣли во всѣ глаза и улыбались.

— Это зацѣмъ вы, балысня, на меня платокъ накутали? спросила меня Аксюшка, когда я, надѣвъ платокъ на нее, завязала его за два конца на плечѣ и собравъ складками на другомъ плечѣ, стала прошивать ихъ, чтобъ драпировка вышла покрасивѣе и попрочнѣе.

— Это тога, отвѣчала я, — ты будешь римлянинъ.

Кое-какъ принялись мы объяснять ей и другимъ дѣвочкамъ смыслъ нашего представленья, въ которомъ онѣ должны были играть роли, и онѣ отчасти поняли въ чемъ дѣло.

Паша принесла паклю и бумагу. Бороды вышли великолѣпныя. Катя нарядилась въ свой костюмъ побѣдителя.

— Мнѣ надо оружіе! вскричала она вдругъ взглянувъ въ зеркало, непремѣнно надо прицѣпить къ поясу мечъ. Что за воинъ безъ оружія. А какъ его сдѣлать?

Мы всѣ задумались надъ этимъ вопросомъ и по зрѣломъ обсужденіи рѣшили, что заткнутая за поясъ палочка отъ цвѣтовъ, — очень будетъ похожа на мечъ. Катя, вооружившись палочкой, снова взглянула въ зеркало и запрыгала отъ удовольствія.

— Борода-то какая! Борода! вскричала она, точно настоящая. Шлемъ надо вотъ такъ надвинуть на брови. Это придастъ мнѣ суровый и грозный видъ, какъ надо для храбраго воина. У! вскричала она, выдернувъ съ воинственнымъ видомъ изъ-за пояса палочку и размахнувъ ею, теперь разступитесь всѣ передо мной. Я покорила цѣлый народъ.

— Катя, вскричала я вдругъ, вѣдь мы самое-то главное забыли! Какъ мы сдѣлаемъ колесницу-то?

Вопросъ этотъ всѣхъ озадачилъ. Дѣйствительно самое мудреное и самое необходимое

въ этомъ представленіи было добыть какое нибудь подобіе колесницы, такъ, чтобы тріумфатора можно было везти на ней. Безъ колесницы пьеса теряла весь свой эффектъ и становилась почти невозможной.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, проговорила Катя, жалобно опустивъ руки и качая головой, я объ этомъ совсѣмъ забыла. Что мы станемъ теперь дѣлать!

Пошли совѣщанія. Каждой изъ насъ хотѣлось что нибудь придумать. Тоня совѣтовала опрокинуть на спинку стулъ, украсить его флагами и привязать къ лежащей спинкѣ веревку, такъ, чтобы можно было тащить за нее импровизованную колесницу.

Саша увѣряла, что гораздо будетъ лучше и безопаснѣе перевернуть вверхъ ногами скамейку.

Катя говорила, что лучше всего было принести старую люльку, которую она видѣла одинъ разъ въ кладовой. Но ни на одномъ изъ этихъ проэктовъ не остановились мы, потому что сознавали все ихъ неудобство.

— Какъ же быть-то! говорили мы, въ раздумьѣ покачивая головой.

— Балысни, вскричала вдругъ Аксюшка, сто вы задумались? Ницего! не голюйте. Мозно достать такую талатайку, какую вамъ надо. У Степки есть такая линеецка на цетылехъ колесикахъ. Я вамъ плинесу ее. Она вотъ эдакинькая. Вы, балысня, Кателина Федоловна, станьте на нее, а меня съ Глуней и Настей заплязите въ нее. Мы васъ вскацъ повеземъ, какъ настоясціе лосади. Я и манезиться умѣю какъ плистязная. Колокольцики позалуй мозно на сею надѣть. Вотъ такъ, узъ будетъ славно! Сбѣгать за линеецкой? Мы очень обрадовались этой внезапной находкѣ.

— Сбѣгай, сбѣгай, Аксюшка, принеси, сказали мы всѣ въ голосъ.

— Одной позалуй—тязело будетъ. Глуня, побѣги-ко со мной!

И Аксюшка, галопируя и манежась заблаговременно уже, какъ настоящая пристяжная, пустилась вонъ изъ комнаты.

Линеечка оказалась очень удобною.

Представленіе вышло блистательное.

При звукахъ мѣднаго таза отодвинулись ширмы и на сцену выѣхала побѣдоносная колесница. Катя въ шлемѣ съ бородой, въ красной мантіи, съ палочкой за поясомъ, гордо стояла на ней опираясь на половую щетку, которую взяла отчасти для поддержанія равновѣсія, отчасти для того, чтобы она изображала какое-нибудь оружіе. Аксюшка, Настя и Груня везли колесницу, прыгая какъ рьяные кони и звоня колокольчиками, которые собрали по всему дому и нацѣпили себѣ на шею. Сзади за колесницей, въ тогахъ, съ поникшими головами и также съ бородами изъ пакли, печально выступали привязанные къ колесницѣ веревками, вмѣсто цѣпей, два плѣнные царя — Тоня и Саша. Я изображала народъ, музыкантовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ церемоніймейстера и изо всѣхъ силъ колотила линейкой въ тазъ и кричала ура! Изо всего этого выходилъ такой оглушительный гвалтъ, что единственный зритель Марья Никифоровна бросила чулокъ, который вязала, и заткнула себѣ уши. А Паша сказала, что это ни начто не похоже, что это чисто сумасшедшій домъ, что у нея въ ушахъ трещитъ, и убѣжала изъ комнаты.

У стѣнъ Капитолія, который опять изображалъ комодъ съ придвинутымъ къ нему стуломъ, колесница остановилась. Тріумфаторъ сошелъ съ нея. Я влѣзла на стулъ, достала съ комода вѣнокъ и надѣла его ему на голову, сказавъ приличную случаю рѣчь. За тѣмъ Катя опять влѣзла на линейку и, по прежнему опираясь на щетку, только съ головой, украшенной уже не шлемомъ, а вѣнкомъ, отправилась прежнимъ порядкомъ за ширмы, то есть во дворецъ императора. Я задвинула ширмы и неистово начала аплодировать.

— Что, Марья Никифоровна, вѣдь хорошо?

А? Не правда ли что хорошо? — восклицали мы, окруживъ Марью Никифоровну.

— Хорошо, дѣточки, хорошо. Только ужь оченно вы шумите-то. Нельзя ли что нибудь другое представлять, чтобъ безъ колокольчиковъ, да чтобъ въ этотъ тазъ не колотили.

— Можно, Марья Никифоровна, можно. Теперь моя очередь! вскричала Тоня. У меня будетъ тихо, мы не станемъ шумѣть. Я буду представлять королеву. Я буду сидѣть на тронѣ, окруженная моимъ штатомъ. Ко мнѣ пріѣдетъ посольство отъ какого-нибудь царя; я буду принимать гостей, заставлю моихъ невольницъ плясать передъ ними. Тутъ не нужно ни колокольчиковъ, ни въ тазъ колотить. А только за то попросите у тети всякихъ нарядовъ.

— Да какихъ же вамъ надо нарядовъ?

— Всякихъ. Лентъ, мантилій, бантовъ, платочковъ, косыночекъ всякихъ. Мнѣ надо нарядить моихъ придворныхъ дамъ. Я хочу, чтобы онѣ были въ чалмахъ. Я очень люблю чалмы и тюрбаны.

— Нечего съ вами дѣлать, отвѣчала Марья Никифоровна, такъ ужъ и быть, сходить выпросить вамъ всякаго тряпья.

Она ушла.

Тетя, узнавъ отъ нея о нашихъ представленіяхъ и о нашей просьбѣ, позвала насъ всѣхъ къ себѣ въ комнату, и отворивъ комоды, щедро надѣлила насъ нарядами.

Славная была она, наша тетя, Ольга! Она была такая добрая, ласковая, терпѣливая. Она, бѣдная, не много пользовалась удовольствіями свѣта, потому что здоровье у ней было слабое, да и къ тому же у ней, вслѣдствіе перелома кости въ дѣтствѣ, одна нога была короче другой. Она хромала. Но мы всѣ ее любили и намъ она казалась чуть не красавицей. Лице у ней было, въ самомъ дѣлѣ, премилое, пресимпатичное. Продолговатое, съ нѣжными чертами, немножко задумчивое, какъ будто грустное. Но взглядъ ея, ласковый, кроткій взглядъ большихъ темныхъ глазъ, казалось, такъ и манилъ къ себѣ сердце. Какъ теперь смотрю на нее, какъ стояла она у комода, нагнувшись надъ нами и раздавала намъ ленты, браслеты, колье, шарфы и прочее. При каждой новой вещицѣ, которую она вынимала, мы приходили въ восторгъ и только восклицали:

— Ахъ, тетя!

— Вотъ кораллы. Кому нужны кораллы? говорила она улыбаясь.

— Мнѣ тетя, и мнѣ, мнѣ, мнѣ! раздавалось разомъ нѣсколько восклицаній и нѣсколько рукъ протягивалось къ коралламъ.

— Что же мнѣ съ вами дѣлать? Охотницъ много, а кораллы одни, говорила тетя, посматривая то на ту, то на другую изъ насъ.

— Дайте мнѣ, тетя, и мнѣ, и мнѣ, и мнѣ! раздавались опять восклицанія.

Тетя смотрѣла на насъ, улыбаясь и все не рѣшаясь кому отдать кораллы.

— Тетя, я буду представлять королеву, мнѣ надо быть одѣтой лучше другихъ. Королевѣ слѣдуетъ носить драгоцѣнныя вещи, сказала Тоня.

— Да, это справедливо, на, возьми себѣ кораллы. Постойте, постойте, не печальтесь, прибавила тетя поспѣшно, замѣтивъ, что другія лица нѣсколько опечалились, у меня еще найдется кое-что и для васъ. Вотъ посмотрите, это кому надо?

И она, вынувъ изъ комода коробку, достала прелестный голубой шарфъ.

— Ахъ тетя! воскликнули мы опять въ умиленіи всплеснувъ руками. И съ шарфомъ началась таже исторія, какъ и съ кораллами.

При каждой новой вещи мы ставили бѣдную тетю въ такое затруднительное положеніе, что она, казалось, готова была разрѣзать вещь на кусочки, еслибъ это было возможно, чтобы только удовлетворить насъ.

— Ольга Петровна, да что это вы дѣлаете? воскликнула вдругъ Марья Никифоровна, которая до тѣхъ поръ, стоя со своимъ чулкомъ въ рукахъ, молча смотрѣла на эту раздачу нарядовъ,— за чѣмъ это вы имъ такія хорошія вещи даете? Вѣдь онѣ все перекомъ-

кают, выпачкают, пожалуй, да оборвут. Я думала, вы им старенькаго чего нибудь дадите.

— Мы ничего не разорвем и не выпачкаем, Марья Никифоровна,— возразили мы всѣ единодушно, съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства. Мы вѣдь понимаемъ, что тетя даетъ намъ не тряпки, а свои наряды. Мы будемъ очень осторожны, и когда кончимъ представлять, такъ сейчасъ принесемъ все опять сюда.

— Нѣтъ, нѣтъ, онѣ будутъ осторожны, прибавила тетя, обратясь къ Марьѣ Никифоровнѣ. Мнѣ такъ рѣдко приходится наряжаться, что почти половина моихъ вещей лежитъ у меня въ комодѣ безъ всякаго употребленія. А посмотрите, какъ онѣ рады всему этому.

Наконецъ раздача кончилась, мы расцѣловали тетю и съ шумнымъ восторгомъ понесли наши сокровища въ дѣтскую, гдѣ съ тріумфомъ разложили ихъ на кровати, къ которой ни кому не позволено было приближаться, кромѣ меня, такъ какъ Тоня возложила на меня обязанности первой придворной камеристки. Началась костюмировка. Безпрестанно приходилось то подшить гдѣ нибудь, то заметать складки, то сдѣлать изъ большаго платка юбку, со шлейфомъ и такъ какъ я была очень не искусная швея, то за всѣмъ этимъ обращалась къ Пашѣ, которая по прежнему смотрѣла, не только равнодушно, но даже недоброжелательно на всѣ наши затѣи и исполняла наши просьбы очень не охотно, ворча за то, что я ее каждую минуту отрываю отъ дѣла.

— Да что ты, Паша, умрешь что ли, если не успѣешь заштопать сегодня всѣхъ этихъ чулокъ? сказала я, выйдя изъ терпѣнья.

— Умереть не умру, отвѣчала Паша, а тетка приколотитъ. Вѣдь она со мной не нѣжничаетъ. Не то, что съ вами тетя ваша, да бабушка.

— Ну, пустяки, мы скажемъ ей, что мы тѣбе мѣшали.

— Она васъ не послушаетъ. Да и я сама знаю, что мнѣ надо сегодня все это заштопать. У меня не одно это дѣло. Ваши же платья завтра въ стирку пойдутъ. Всѣ ихъ надо перечинить. Видите, какъ вы ихъ акуратно носите, гдѣ пуговицы оборвали, гдѣ сборки, а гдѣ и цѣлый клокъ выдрали. Мнѣ вѣдь не охота накопить себѣ къ завтрему работы по горло. Вамъ-то конечно ничего, а мнѣ-то каково будетъ справляться.

Паша говорила правду, но ея доводы не произвели на меня никакого дѣйствія. Мнѣ хотѣлось играть, у самой у меня не ладились костюмы, слѣдовательно больше нечего было мнѣ дѣлать, какъ заставить Пашу мастерить ихъ. Мой эгоизмъ говорилъ мнѣ, что это не можетъ быть иначе.

Для королевы понадобился тронъ. По нашимъ дѣтскимъ понятіямъ, королева должна была сидѣть непремѣнно на тронѣ. Слѣдовательно мы считали, что безъ него никакъ не возможно обойтись. Саша очень остроумно придумала употребить для этого въ дѣло зеленый крашеный цвѣтникъ въ три яруса, который стоялъ въ тетиной комнатѣ, весь заставленный цвѣтами. Эта мысль показалась намъ такой блестящей, что мы тотчасъ же со всѣхъ ногъ пустились къ тетѣ просить у ней цвѣтника, нисколько не размышляя о томъ, что для нея можетъ быть непріятно, если мы затѣемъ возню въ ея комнатѣ и составимъ на полъ ея цвѣты, которыми она сама занималась и очень дорожила.

— Вамъ мой цвѣтникъ надобно? сказала она выслушавъ насъ. Да какъ же это? Вѣдь это очень хлопотливо, надо всѣ цвѣты составить съ него.

— Мы, тетя, все сдѣлаемъ сами, все, все, вы только позвольте. Милочка тетя! это будетъ такой славный тронъ! А то королевѣ придется сидѣть на стулѣ,— это ужь совсѣмъ будетъ не то. Никакого вида не будетъ.

Тетя усмѣхнулась.

— Нечего дѣлать, проговорила она, коро-

левѣ нельзя отказать, возьмите, пожалуй, цвѣтникъ. Только осторожнѣе, пожалуйста, осторожнѣе съ моими цвѣтами, — прибавила она почти съ испугомъ, когда мы бросились всѣ вмѣстѣ снимать съ цвѣтника горшки съ цвѣтами. Мы живо очистили цвѣтникъ. Оставалось только перенести его и за это дѣло хотѣли мы было взяться сами, но тетя не позволила намъ и велѣла дворовымъ дѣвочкамъ перенести его, съ тѣмъ, чтобы онѣ позвали себѣ на помощь Пашу. Паша пришла сильно нахмуренная, какъ туча передъ грозой.

— Еще что такое? сказала она намъ громко съ досадой, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ тети. — Ужь вы не знаете чего вамъ выдумать. Легко ли это, отсюдова въ дѣтскую цвѣтникъ тащить. Вѣдь дѣвчонки не ломовыя лошади, да и я тоже.

— Паша, перестань, сказала тетя строго. Если тебѣ тяжело, позови лучше кого нибудь снизу.

Но Паша съ дѣвчонками уже подняли цвѣтникъ и понесли.

— Только и покою-то, что ночью, когда онѣ спятъ, проговорила Паша, выходя изъ комнаты.

— Ура! ура! кричали мы, сопровождая торжественное шествіе съ цвѣтникомъ, — у насъ будетъ тронъ.

Представленье началось. Отодвинулись ширмы и публика, состоящая на этотъ разъ изъ Марьи Никифоровны и тети, увидѣла великолѣпный трехъярусный тронъ,— то есть цвѣтникъ, покрытый ковромъ и плотно придвинутый къ стѣнѣ. На самомъ верху сидѣла фантастическая королева фантастическаго царства. Никакой ученый не могъ бы опредѣлить по ея костюму ни эпохи, ни мѣстности ея царствованія. Чего на ней только не было! Бѣлая кисейная юбка была гораздо длиннѣе ея роста, такъ что образовала огромный шлейфъ, величественно растилавшійся по ступенямъ трона. Поверхъ юбки, около тальи, былъ обвернутъ, въ видѣ пояса, красный шерстяный шарфъ; длинные концы его съ толстыми кистями спускались на юбку. Черный шерстяной корсажъ безъ рукавовъ, отпоротый отъ передника, замѣнялъ лифъ. Поверхъ всего была накинута горностаевая мантилья, изображавшая мантію. Сверхъ мантильи были надѣты на шею кораллы. На головѣ королевы красовалась зубчатая корона изъ бѣлой сахарной бумаги, съ налѣпленными на нее пестрыми арабесками, вырѣзанными изъ конфектныхъ бумажекъ. Съ одного боку, къ коронѣ было прикрѣплено пунцовое страусовое перо — съ другаго, букетъ искусственныхъ розъ. На рукахъ королевы были надѣты чуть-что не всѣ тетины браслеты. Двѣ ея придворныя дамы, Катя и Саша, въ костюмахъ такого же рода, сидѣли по сторонамъ ея на нижнихъ ступеняхъ трона. Явился на сцену посланникъ, въ котораго превратилась я, изъ первой камеристки, отъ неизвѣстнаго короля съ дарами и предложеніемъ дружбы. У меня была борода изъ пакли и усы, выведенные жженой пробкой. На головѣ тюрбанъ, сверченный изъ клѣтчатаго платка, на плечахъ тетина пунцовая кашемировая мантилья, замѣнявшая мантію. Посланникъ, преклонивъ передъ королевою колѣно, сказалъ ей, что король его, могущественный побѣдитель многихъ народовъ, предлагаетъ ей, какъ сосѣдкѣ, свою дружбу и въ знакъ этой дружбы посылаетъ ей дары, то есть пять или шесть конфектъ, которыя дала тетя и которыя я съ торжествомъ поднесла королевѣ на кругленькомъ подносѣ изъ аплике. Королева приняла эти дары благосклонно и тотчасъ же попотчивала ими своихъ придворныхъ дамъ и посланника. Затѣмъ попросила его сѣсть и отвѣчала ему, что согласна принять дружбу его повелителя. Потомъ спросила его, не хочетъ ли онъ посмотрѣть, какъ искусны въ танцахъ ея невольницы. Посланникъ низко наклонилъ голову въ знакъ согласія. Тогда королева подняла руку и явились на сцену невольницы, то есть дворовыя дѣвочки. Онѣ принялись поочередно выдѣлывать разные скачки и па, которые очень забавляли насъ.

Аксюшка особенно отличалась. Она плясала какой-то танецъ, своего изобрѣтенья, въ родѣ русской, притопывала ногой, подбоченивалась,— щелкала пальцами и съ улыбающейся, вполнѣ довольной, физіономіей носилась изъ одного угла въ другой до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ запыхалась. Публика, къ величайшему нашему удовольствію, громко ей аплодировала. Когда танцы кончились, посланникъ, повторивъ увѣренія въ дружбѣ, откланялся и уѣхалъ. Затѣмъ танцовали придворныя дамы королевы для ея увеселенія.

Послѣ Тони Саша захотѣла быть королевой — и ея желаніе исполнили. Она также сидѣла на тронѣ, разряженная въ пухъ и прахъ, и повелѣвала. Потомъ Катя. Эта роль всѣмъ такъ понравилась, что никто не хотѣлъ пропустить случая сыграть ее. Половина публики, то есть тетя, давно уже ушла, а королевы все еще заставляли своихъ невольницъ плясать, пѣть, отгадывать загадки, представлять статуй, то есть стоять неподвижно нѣсколько минутъ въ данной позѣ и прочее. Дѣвочкамъ, которыя сначала играли охотно, стало это наконецъ надоѣдать. Онѣ играли уже безъ увлеченья, лѣниво и не охотно, то зѣвали, то еле двигались, словомъ стали похожи на настоящихъ невольницъ, которыхъ принуждали дѣлать то, чего имъ не хотѣлось. Но что касалось до насъ, то мы были такъ увлечены этою игрою, что насъ насилу дозвались пить чай.

Послѣ чая, мы хотѣли было опять продолжать игру. Теперь настала моя очередь быть королевой. Когда мы собрались на верху, я взялась уже было за тетинъ голубой шарфъ, чтобы надѣть его себѣ на плеча вмѣсто горностаевой мантильи для разнообразія, какъ вдругъ Аксюшка, которая стояла у стѣны, заложивъ руки за спину и о чемъ-то задумалась, печально опустивъ голову—подняла ее и сказала:

— Балысни, а балысни, сто-жъ это такое? Вы все сами, да сами кололевъ-то играете, а мы только плясемъ. И я хоцу быть кололевой.

Мы всѣ расхохотались.

— Куда тебѣ, Аксюшка, заговорили мы, ты не съумѣешь съиграть королеву.

— Ницево, съумѣю, плаво-ну съумѣю. Вотъ поплобуйте только.

— Да какъ же ты будешь говорить съ посланникомъ?

— Да узъ услышите какъ буду. Вотъ только налядите меня, да посадите на тлонъ.

Ради потѣхи, мы согласились исполнить желаніе Аксютки. Мы нарядили ее, вывели ей жженой пробкой брови, накрасили щеки свеклой, разукрасили ей головку цвѣтами, перьями, бантами, накутали на нее, въ видѣ мантіи красный платокъ, пришпилили къ плечамъ ея банты, къ одному голубой, къ другому желтый,—словомъ превратили ее въ настоящее огородное пугало. Каждая изъ насъ по своей фантазіи дополняла ея нарядъ. Аксютка терпѣливо, не дѣлая ни какихъ замѣчаній на счетъ своего костюма, позволяла намъ издѣваться надъ собой. Наконецъ, когда все было готово, полѣзла на тронъ; мы громко смѣялись глядя на нее.

— Ну, королева, что жь прикажете намъ дѣлать? спросили мы ее насмѣшливо, когда она взгромоздилась на верхушку цвѣтника.

— А вотъ сто. Пусцай и ко мнѣ посланникъ пліѣдетъ, какъ къ вамъ, и гостинцевъ пливезетъ.

Я опять взялась за роль посланника и съ колѣнопреклоненіемъ поднесла Аксюткѣ аплике подносъ, на которомъ лежали дары, но на этотъ разъ закрытые бумагой.

— Это сто такое? сказала Аксюшка снявъ бумагу, калты? Ну ницего, плигодится въ дулачки иглать. И преспокойно положила ихъ въ карманъ.

— Только, слусай, прибавила она обратясь къ послу, коли твой кололь хоцетъ со мной въ друзбѣ зить, такъ пусцай плислетъ мнѣ гостинцевъ. Да не то сто немнозко, а пусцай сходитъ къ балынѣ, да поплоситъ, стобъ

она велѣла цѣльный подносъ налозить черносливу, олѣховъ, изюму, винныхъ ягодъ, всего сто тамъ въ буфетѣ то есть... Такъ вотъ узъ я сказу тогда, сто твой кололь, холосій кололь! А нѣтъ—такъ не хоцу съ нимъ друзбы водить...

Мы всѣ, не исключая и Марьи Никифоровны, расхохотались этой выходкѣ.

— Ай, да молодецъ Аксютка! сказала Паша, догадалась!

Намъ всѣмъ понравилась мысль королевы, потому что всѣмъ намъ предстояло угощенье и мы пристали къ Марьѣ Никифоровнѣ, убѣдительно прося ее, привести эту мысль въ исполненіе.

Марья Никифоровна ушла.

— Послусайте-ка, балысни, сказала Аксютка чрезъ нѣсколько минутъ по ея уходѣ, зѣвая и потягиваясь, мнѣ сто-то скуцно, спать оценно хоцется. Вы, балысня, Антонина Ивановна, поплясите-ка покудова тотъ танецъ съ поглямуськами, который давица плясали.

— Ну, вотъ еще, буду я плясать для тебя! отвѣчала Тоня съ неудовольствіемъ. Я и такъ устала.

— Отцево-съ не будете? Вѣдь я кололева, вы долзны меня слусаться. Небось, вѣдь какъ вы были кололевой, такъ я васъ слусалась. Все дѣлала, сто вы велѣли. Еще какъ давица Кателину Ѳедоловну возили на линеецкѣ, когда я лосадью была, такъ какъ я умуцалась-то, а пликазали потомъ плясать, я вѣдь плясала, не говолила, сто узнала!

Мы сознавали, что Аксюшка была права, и стали доказывать Тонѣ, что она не имѣетъ права отказаться отъ пляски.

Дѣлать было нечего. Тоня съ кислой физіономіей, едва передвигая ногами, протанцовала качучу, больше для того, чтобы отдѣлаться отъ нашихъ докучливыхъ убѣжденій, чѣмъ изъ чувства справедливости.

Наконецъ явилась Марья Никифоровна и за ней дѣвушка съ подносомъ, нагруженнымъ сластями. Я и Катя съ тріумфомъ поднесли его Аксюшкѣ.

— Ну вотъ, такъ ладно, сказала она. Тепель вотъ сто, дѣвценки, подите-ка сюда!

Дворовыя дѣвочки улыбаясь и посматривая съ недоумѣньемъ то на насъ, то на гостинцы, подошли къ Аксюшкѣ.

— Делзите пеледники! скомандовала Аксюшка. Да ну зе! цево боитесь? Балысни не лазселдятся, вѣдь я имъ оставлю.

Дѣвочки подставили передники. Аксюшка щедро насыпала въ каждый изъ нихъ гостинцевъ.

— Вотъ вамъ! проговорила она, стобъ помнили, сто я была кололевой. Позалуй, больсе и не пливедется мнѣ быть кололевой. Ну, тепель, убилайтесь спать!

Дѣвочки отошли къ дверямъ, но не смѣли уйти изъ комнаты безъ нашего позволенія. Аксюшка туго набила гостинцами свой собственный карманъ и за тѣмъ передала намъ подносъ съ остатками лакомствъ.

— Вотъ и вамъ, балысни, кусайте на здоловье. А я больсе не хоцу быть кололевой, спать пола!

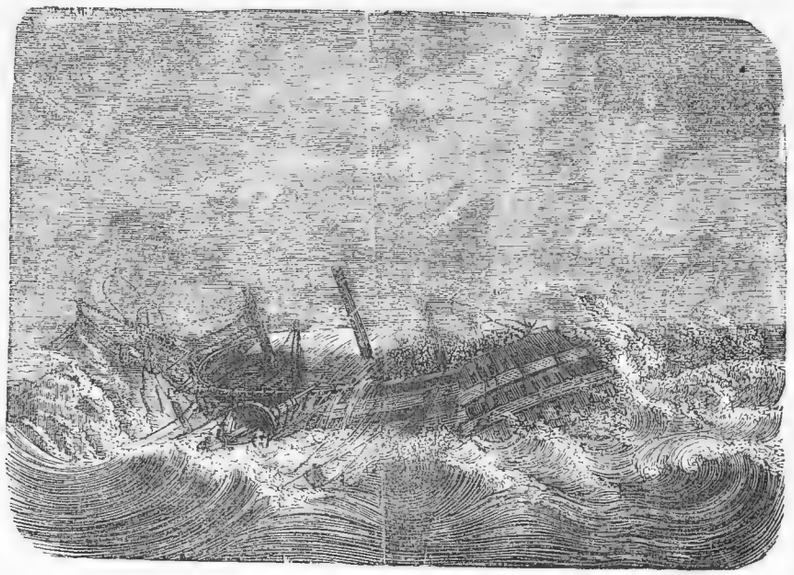
И она слѣзла съ цвѣтника. Намъ было и смѣшно, и досадно на нее. Но въ самомъ дѣлѣ было уже поздно. Дѣвочки были измучены и зѣвали. Волей и неволей надо было кончить игру и отпустить ихъ спать.

(Окончаніе будетъ.)

БУРИ НА МОРѢ И СПАСИТЕЛЬНЫЕ МАЯКИ.

Читатели вѣроятно помнятъ, что то, что мы называемъ *вѣтромъ*, есть ничто другое, какъ теченіе, болѣе или менѣе сильное, воздуха по извѣстному направленію. При соприкосновеніи вѣтровъ съ поверхностью воды, происходитъ треніе, отъ котораго образуются на водѣ неровности. Когда вѣтеръ дуетъ по тому-же направленію, по которому течетъ вода, то неровности эти или *волны* бываютъ такъ не велики, что ихъ и не замѣтно: — ни вѣтеръ, ни вода не встрѣчаютъ никакихъ препятствій и теченіе ихъ происходитъ тихо, покойно. Не то случается, когда стремленія воздуха бываютъ направлены *противъ* теченія воды: — верхніе слои водяной поверхности, поддаваясь вліянію вѣтра, обращаются назадъ, противъ теченія. Между тѣмъ остальная часть водяной массы, находящаяся глубже, продолжаетъ двигаться по прежнему направленію; отъ этого постоянныя соприкосновенія между этими частями водяной массы, своего рода борьба, при которой волны, сталкиваясь съ теченіемъ воды, становятся выше, съ шумомъ и ревомъ одолѣваютъ теченіе, и съ трескомъ продолжаютъ идти по тому направленію, по которому ихъ гонитъ вѣтеръ.

Все, что встрѣчается въ этой борьбѣ водяныхъ стихій, подвергается напору волнъ, и если не можетъ устоять противъ этаго напора, то разбивается въ дребезги, обломки же носятся на поверхности воды, то опускаясь въ глубь, то снова подымаясь. При столкновеніи волнъ, идущихъ со всѣхъ сторонъ, изъ воды отдѣляется въ видѣ пузырей, содержащійся въ ней воздухъ, но напоръ водяной массы до того силенъ, стремящіяся ото всюду волны до того часты, что воздуху этому нѣтъ времени подняться, его давятъ подобныя-же частицы, отдѣляющіяся отъ другихъ волнъ, все это смѣшивается съ прысками воды и производитъ то, что мы называемъ *морской пѣной*. Чѣмъ выше поднимаются волны, чѣмъ сильнѣе напоръ воды, тѣмъ больше и гуще производимая ими и покрывающая ихъ поверхность пѣна.



Буря на морѣ.

Разрушительнѣе всего, а иногда и совер-

шенно гибельно, дѣйствуютъ бури на морскія суда. Большіе, трехъ-дековые (декомъ называется ярусъ или этажъ, расположенный между двумя палубами), стопушечные корабли зачастую носятся по волнамъ разбушевавшагося моря, также легко, какъ небольшой челнокъ. Возвышающіяся до страшной высоты, волны наклоняютъ ихъ то на одну, то на другую сторону, при чемъ, съ какимъ-то зловѣщимъ гуломъ, перекатываются черезъ нихъ, по палубѣ, унося съ собой все, что на ней находится. Страшный вихрь гнетъ мачты корабля, какъ тростникъ, между тѣмъ какъ онѣ дѣлаются изъ толстыхъ дубовыхъ деревьевъ, во всю ихъ толщину. Наконецъ паруса рвутся, мачты ломаются и съ трескомъ летятъ въ море; вода вливается въ окна и въ тѣ отверстія, которыя продѣланы въ стѣнахъ кораблей, для пушекъ, наполняетъ собой всѣ палубы; руль, которымъ дается судамъ надлежащее направленіе, давно снесенъ напоромъ воды, да еслибы онъ и существовалъ, то не могъ бы оказать никакой пользы,— корабль двигается туда, куда его кидаютъ волны: гибель его неизбѣжна, если не будетъ оказана ему помощь, что, въ подобныхъ случаяхъ, разумѣется чрезвычайно затруднительно. Помѣщаемая нами картинка даетъ вѣрное изображеніе того страшнаго, ужасающаго положенія, въ которомъ находится застигнутое бурей посреди моря, морское судно.

Малкъ.

Чѣмъ больше глубина воды, тѣмъ сильнѣе буря, потому что при бо́льшей глубинѣ бо́льшая масса воды принимаетъ участіе въ той разрушающей борьбѣ двухъ стихій, которая происходитъ на ея поверхности. Тамъ-же, гдѣ волны встрѣчаютъ какое-либо непреодолимое препятствіе, въ родѣ скалы или подводнаго утеса, происходитъ *бурунъ*, родъ водоворота; попавшее на это мѣсто судно, въ одно мгновеніе поглощается волнами и исчезаетъ въ глубинѣ водоворота съ невообразимой быстротой.

Для предохраненія мореплавателей отъ подобныхъ опасныхъ мѣстъ, точно также, какъ и для того, чтобы во время бури, когда все, и воздухъ и вода, превращаются въ одну массу, — дать имъ возможность хоть немного оріентироваться (направляться) — на бурунахъ и другихъ болѣе или менѣе опасныхъ пунктахъ моря — устраиваются *маяки*, на вышинѣ которыхъ зажигается яркій огонь, который служитъ для мореплавателей своего рода путеводной звѣздой. При каждомъ маякѣ имѣются также *спасительныя лодки*, приспособленныя къ поданію помощи потерпѣвшимъ крушеніе или находящимся въ опасности.

Для того, чтобы познакомить читателей съ устройствомъ маяковъ, мы приведемъ здѣсь изъ англійскаго журнала „Wonders of Nature and Art“ (чудеса природы и искусства), описаніе одного изъ самыхъ замѣчательныхъ въ въ Европѣ маяковъ — *Эддистонскаго*.

Этотъ наиболѣе извѣстный маякъ выстроенъ на эддистонскихъ скалахъ, находящихся къ юго-юго-западу (S. S. W.) отъ Плимутскаго рейда, въ четырнадцати миляхъ отъ самаго порта и въ десяти отъ мыса по назва-

нію Рамгедъ. Скалы эти, до устройства маяка, были очень опасны, а иногда и пагубны для кораблей, идущихъ вверхъ и внизъ по каналу. По ихъ положенію, относительно Бискайскаго Залива и Атлантическаго Океана, онѣ ничѣмъ не были защищены, съ юго-западной стороны, отъ морской зыби, которая, по словамъ моряковъ, бываетъ, въ особенности въ Бискайскомъ заливѣ, чрезвычайно сильна. Надо замѣтить, что глубина моря около Эддистона никогда не бываетъ менѣе 180 футъ, а къ юго-западу увеличивается отъ 240 до 480, такъ что морскія волны, не встрѣчая съ этой стороны никакой преграды, разбиваются о эддистонскія скалы съ неимовѣрной силой.

Скалы эти простираются слишкомъ на 600 футъ отъ сѣвера къ югу, при чемъ онѣ наклонною плоскостью обращены къ юго-западу, что въ свою очередь тоже увеличиваетъ силу удара волнъ, такъ какъ по наклонной плоскости онѣ легче взбираются на поверхность скалъ и за тѣмъ уже съ трескомъ снова обрушиваются въ море.

Удары волнъ о скалы бываютъ видимы даже и въ тихую погоду, такъ какъ колебаніе воды, производимое въ Бискайскомъ заливѣ постоянными сильными бурями, не перестаетъ въ теченіи нѣсколькихъ дней, хотя бы послѣ бури послѣдовала на морѣ совершенная тишь; но это только кажется: — въ гладкомъ и спокойномъ повидимому морѣ колебаніе воды продолжается и вода при встрѣчѣ со скалами, съ силою стремится на ихъ наклонную поверхность и этимъ не только мѣшаетъ производимымъ на нихъ работамъ, но и не даетъ судамъ причалить. Кромѣ означеннаго колебанія, работамъ на скалахъ мѣшаетъ неровность ихъ поверхности; на ней то и дѣло встрѣчаются уступы въ четыре, а иногда и въ пять футовъ глубины. Высота, на которую подымаются волны по скаламъ, доходитъ до 30 и 40 футъ.

Неудивительно, что опасность, которой подвергались моряки, возбудила въ такой торговой націи, какова Англія, желаніе имѣть на этихъ скалахъ маякъ, не смотря на всѣ тѣ трудности, съ которыми было сопряжено его устройство; — но удивительно то, что нашелся человѣкъ на столько смѣлый, что предпринялъ эту постройку. Первымъ, былъ Генрихъ Винстанлей, изъ Литль-Бури, въ графствѣ Эссе́ксъ; его снабдили рабочими и всѣми необходимыми для постройки матеріалами, вслѣдствіе чего онъ окончилъ всѣ работы въ теченіи четырехъ лѣтъ. Винстанлей былъ такъ убѣжденъ въ прочности своей постройки, что пожелалъ находиться въ ней во время самой сильной бури.

Желаніе его скоро осуществилось: онъ былъ въ башнѣ со своими работниками въ то самое время, когда началась ужасная буря 26-го ноября 1703 года, описаніе которой превосходитъ все до того слышанное. На слѣдующее утро 27-го ноября, когда буря на столько стихла, что можно было освѣдомиться о состояніи маяка, увидѣли, что отъ него не осталось никакихъ слѣдовъ, кромѣ желѣзныхъ скобъ, прикрѣплявшихъ строеніе къ скалѣ. Винстанлей, рабочіе и все, что находилось на маякѣ, пропали безслѣдно.

Въ 1709 году нѣкто Джонъ Рудлердъ построилъ другой деревянный маякъ, рѣзко отличавшійся отъ перваго. Строеніе это, весьма искусно устроенное, выдержало въ теченіе 46 лѣтъ страшную борьбу со стихіями, и вѣроятно стояло бы еще дольше, еслибы не было поглощено пламенемъ въ 1755 году. Послѣ этого было поручено г. Смитону, извѣстному инженеръ-механику, выстроить третій маякъ. Съ трудомъ убѣдилъ онъ распоряжающихся постройкой маяка, что каменное строеніе, хорошо сдѣланное, будетъ во всѣхъ отношеніяхъ прочнѣе деревяннаго. Убѣдивъ ихъ наконецъ, онъ сталъ придумывать какую дать форму, наиболѣе удобную, постройкѣ, которая должна была находиться на такомъ опасномъ мѣстѣ. Припоминая устройство прежнихъ двухъ маяковъ, онъ пришелъ къ тому заключенію, что лучше всего будетъ

построить башню, основаніе которой было-бы шире верхушки; онъ предполагалъ, и совершенно справедливо, что такая форма придастъ постройкѣ больше устойчивоети и дастъ ей возможность сильнѣе противустоять напору волнъ и порывамъ вѣтра. Г-нъ Смитонъ началъ свои работы 2-го апрѣля 1757 года, а окончалъ ихъ 4-го августа 1759 года. Въ скалѣ, съ юго-западной ея стороны, высѣчены были горизонтальныя ступени, на которыхъ утвердили, посредствомъ прочнаго цемента, плиты гранита и портландскаго камня, долженствующія служить основаніемъ башнѣ.

Самая же башня сложена изъ крѣпкихъ камней, вложенныхъ одинъ въ другой и скрѣпленныхъ всевозможными средствами; въ ней устроены четыре комнаты, одна надъ другой, а надъ ними галлерея и фонарь. Полы комнатъ каменные, на сводахъ; они соединены со стѣнами посредствомъ желѣзныхъ цѣпей. Строеніе это имѣетъ всего 80 футовъ вышины, и не разъ уже вступало безъ малѣйшаго для себя поврежденія въ борьбу со стихіями.

Эддистонскій маякъ, какъ видятъ читатели, принадлежитъ къ числу полезнѣйшихъ построекъ: онъ спасаетъ мореплавателей отъ окончательнаго крушенія, которое должно было бы неминуемо слѣдовать за ударомъ о страшныя эддистонскія скалы; вмѣстѣ съ тѣмъ фонарь его служитъ путеводной точкой во время темной ночи.

ВЪ ЧЕМЪ ГЕРОЙСТВО?

ПОВѢСТЬ.

(Съ англійскаго.)

ГЛАВА I.

— Ну, Фридрихъ, готовъ ли ты? спрашивалъ полковникъ Стэнли своего сына, собиравшагося идти въ первый разъ въ школу.

— Да, папаша; а развѣ вы идете со мною?

— Иду. Мнѣ хочется посмотрѣть на твое вступленіе въ училище и кстати послушать твои отвѣты на пріемномъ экзаменѣ.

При этомъ разговорѣ присутствовала и мать отправлявшагося въ школу; она держала въ рукахъ сумку съ книгами для него, а на языкъ, вѣроятно, просились необходимыя при такомъ важномъ дѣлѣ—какъ отправленіе въ школу—жалостныя материнскія наставленія; по временамъ у нея навертывались даже на глазахъ слезы.

Замѣтивъ это, полковникъ Стэнли, желавшій представить своего сына веселымъ и старавшійся потому устранить дурное впечатлѣніе, производимое на ребенка прощаньемъ и напутственными словами матери,— сказалъ веселымъ тономъ:

— Впрочемъ я могу освѣдомиться о твоихъ знаніяхъ и раньше вступительнаго экзамена — у твоей матери. Ну-съ, Мери, скажите, чему онъ у васъ научился?

Мери, его жена, понявъ доброе намѣреніе своего мужа, отвѣчала ему съ улыбкой:

— Тебѣ вѣдь говорилъ его прежній учитель, какимъ премудростямъ онъ ученъ. Да ты лучше послушай самаго Фридриха. "Я, говоритъ онъ, могу забросить мячъ или камень дальше всѣхъ; а если бѣгать взапуски, то... никто, говоритъ, и не пожелаетъ вступать со мной въ состязаніе!" Вотъ онъ каковъ!

— Ну, хорошо; мы сейчасъ же испытаемъ его ловкость. Посмотримъ, какъ быстро бѣгаешь ты, мой милый. Дай, я подержу твою сумку. Разъ, два, три... И мальчикъ пустился сломя голову прыгать и бѣгать.

Воспользовавшись его отсутствіемъ, полковникъ сказалъ своей женѣ:

— Пожалуйста, не прощайся съ нимъ; онъ не долженъ придти въ школу съ заплаканными глазами. При томъ, вспомни, онъ вернется чрезъ нѣсколько часовъ.

Фридрихъ прибѣжалъ, запыхавшись, и ждалъ себѣ похвалы.

— Хорошо, хорошо, отвѣчалъ Стэнли на его вопрошающій взглядъ, но посмотрите теперь какъ слѣдуетъ прыгать и бѣгать.

Съ этими словами онъ бросился, смѣясь, скакать и бѣгать по саду, который находился предъ окнами его дома.

— Вотъ, дружокъ, учись такъ бѣгать... Однако собирайся скорѣй въ дорогу, а то мы опоздаемъ.

Фридрихъ, развлеченный такимъ образомъ, весело отправился въ школу.

Отецъ его недавно вернулся съ одного дальняго мѣста служенія, на которомъ онъ провелъ пять лѣтъ въ разлукѣ съ женою и дѣтьми. Мистрисъ Стэнли съ радостью согласилась бы тогда слѣдовать за нимъ, но этого ей невозможно было сдѣлать, такъ какъ въ то время, когда ея мужъ получилъ назначеніе отправиться туда, здоровье ея было слишкомъ слабо для такого дальняго путешествія и послѣднему ея ребенку минуло только пять недѣль; между тѣмъ стояла жестокая зима.

Они разстались — съ надеждою однако увидѣться черезъ нѣсколько мѣсяцевъ: съ наступленіемъ лѣта, мистрисъ Стэнли оправилась бы и малютка ея могъ бы выдержать это путешествіе. Но... (чего не дѣлаетъ это „но“?!) въ этотъ промежутокъ времени полковникъ, какъ глава семейства, рѣшилъ, что пограничное военное селеніе не годится быть мѣстомъ воспитанія его дѣтей. Рѣшеніе это было принято послѣ долгихъ размышленій и тотчасъ же было сообщено его женѣ съ перечисленіемъ всѣхъ причинъ, побудившихъ на него; оно, какъ и слѣдовало ожидать, сильно огорчило его супругу, любившую своего мужа — хотя и не безумно — но все же довольно сильно. Однако, уважая умъ и опытность своего мужа, она согласилась съ его рѣшеніемъ и осталась дома заниматься воспитаніемъ дѣтей. Она удвоила свои заботы о нихъ, потому что къ естественной материнской заботливости прибавилось еще желаніе оправдать, какъ можно болѣе, довѣріе своего мужа. Опасаясь дурнаго вліянія, мистрисъ Стэнли не отдала сына въ школу, а наняла домашняго учителя.

Фридрихъ, бойкій, красивый мальчикъ, къ пріѣзду отца зналъ такъ много и такъ хорошо, какъ рѣдкій изъ его сверстниковъ; онъ былъ развитъ не по лѣтамъ. На счетъ пользы домашняго воспитанія въ этомъ отношеніи, полковникъ Стэнли былъ вполнѣ согласенъ со своей женой, но онъ не давалъ ему положительнаго предпочтенія. „Правда, милая Мери, говорилъ онъ, нашъ мальчикъ предохранится такимъ образомъ отъ многаго зла, но онъ долженъ же будетъ съ нимъ когда нибудь встрѣтиться. А можетъ ли домашнее воспитаніе охранить его въ этомъ случаѣ? По моему убѣжденію, школьныя испытанія вѣрнѣе достигнутъ цѣли: приготовить его къ испытаніямъ самостоятельной жизни взрослаго человѣка.“ И Фридрихъ, по желанію отца, долженъ былъ учиться въ школѣ, которую содержалъ въ городѣ священникъ Вильби, отказавшійся отъ пастырскихъ обязанностей по слабости здоровья, и пріобрѣвшій на новомъ своемъ поприщѣ извѣстность, какъ человѣкъ вполнѣ добросовѣстный относительно взятаго имъ на себя дѣла. Рѣшено было, что Фридрихъ станетъ только посѣщать школу на время уроковъ, а не оставаться въ ней цѣлые дни; въ послѣднемъ случаѣ полковникъ уступилъ немного просьбамъ жены. Онъ предпочелъ бы послать своего сына подальше отъ дома, гдѣ, не полагаясь на родителей, онъ скорѣе пріобрѣлъ бы довѣріе къ *своимъ силамъ;* жена же его напротивъ говорила: „Ужь если Фридрихъ долженъ подвергнуться искушеніямъ, то пускай по крайней мѣрѣ онъ встрѣтитъ ихъ подкрѣпленный вліяніемъ его родителей, т. е. моими молитвами и лаской, а съ твоей стороны проницательный и строгій взглядъ, который съ разу откроетъ порчу въ мальчикѣ, такъ что противъ извѣстнаго врага легко будетъ и сражаться.“

И такъ Фридрихъ отправился, какъ мы видѣли, въ школу. Посмотримъ, что же это за мальчикъ? Съ виду хорошенькій и здоро-

вый, ловкій, онъ отъ постояннаго пребыванія въ женскомъ обществѣ былъ необыкновенно мягокъ въ обращеніи и это можетъ быть не нравилось его отцу, какъ человѣку, жизнь котораго проходила въ стычкахъ съ разбойниками индѣйцами (американскими), почему онъ рѣшился отправить его скорѣй въ общественную школу. Мягкость характера и уступчивость Фридриха слишкомъ походила, по мнѣнію полковника, на застѣнчивость. Мальчикъ имѣлъ открытый лобъ и смѣлый взглядъ, которые сразу говорили за него, что онъ и не глупъ и не трусишка.

ГЛАВА II.

аленькій Фридрихъ еле-еле поспѣвалъ за своимъ отцомъ, который вѣроятно опять хотѣлъ отвлечь скорой ходьбой мысли своего сына отъ школы. Передъ самой школой, Фридрихъ остановился перевести духъ, нужный ему, какъ онъ говорилъ, при отвѣтахъ на экзаменѣ.

— Ну что, Фредъ, нравится тебѣ наружный видъ школы? спросилъ его отецъ.

— Не очень, папаша; она даже меня пугаетъ своимъ торжественнымъ видомъ.

— Ты боишься?! Фридрихъ, я не хочу больше слышать отъ тебя этого слова и надѣюсь, что ты никогда не будешь трусомъ,— сказалъ полковникъ, не слушая дальнѣйшихъ объясненій своего сына, которыя, можетъ быть, удержали бы его отъ рѣзкихъ словъ.

Мальчикъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на своего отца, но не успѣлъ ему ничего сказать, такъ какъ они уже стояли у самыхъ дверей школы, надпись надъ которыми гласила, что здѣсь находится школа доктора Вильби, для благородныхъ дѣтей.

Докторъ Вильби—добрый, тихій человѣкъ, такъ ласково принялъ Фридриха, что если бы тотъ и дѣйствительно боялся представленія новому воспитателю, то навѣрное при такомъ пріемѣ тотчасъ же пересталъ бы бояться. Полковникъ послушалъ какъ экзаменовался Фридрихъ и за тѣмъ ушелъ. Докторъ Вильби, узнавъ свѣдѣнія своего новаго ученика, опредѣлилъ ему мѣсто въ классѣ; такъ какъ Фридрихъ зналъ очень много для своихъ лѣтъ, то не удивительно, что онъ попалъ въ такой классъ, въ которомъ всѣ товарищи его были старше его; это сейчасъ же вслухъ замѣтилъ докторъ Вильби, хваля Фридриха и порицая его товарищей, вслѣдствіе чего послѣдніе, уже съ перваго шага, стали смотрѣть на Фридриха непріязненно.

Идетъ классъ латинскаго языка, Фридрихъ, привыкшій дома дѣлать не стѣсняясь вопросы своему учителю, вдругъ предлагаетъ среди перевода свой собственный, нисколько не относящійся къ предмету занятій, вопросъ:

— Докторъ, эти галлы, которыхъ выводитъ Цезарь (ученики переводили коментаріи Цезаря), не тѣ ли самые, которыхъ побѣдили франки?

Посторонніе вопросы, некасающіеся урока, были не въ обычаяхъ школы, потому докторъ хотя и отвѣтилъ на вопросъ любознательнаго ученика, однако замѣтилъ ему съ улыбкой, чтобы онъ впредь не дѣлалъ такихъ вопросовъ; для нихъ будетъ свой урокъ—исторія.

Товарищи Фридриха, замѣтивъ улыбку учителя, разразились смѣхомъ на счетъ Фридриха (считая улыбку доктора достаточнымъ обезпеченіемъ безнаказанности смѣха). Докторъ сердито сказалъ: „господа, въ вопросѣ мистера Стэнли нѣтъ ничего смѣшного; онъ

показываетъ только большое знаніе и любознательность, которыхъ у васъ нѣтъ. Потому вы замѣтьте себѣ то, о чемъ спрашивалъ Стэнли.“

Фридрихъ опять, противъ воли, возбудилъ товарищей относительно себя.

Классъ, въ которомъ находился Стэнли, состоялъ изъ нѣсколькихъ мальчиковъ; и между ними первымъ по ученью былъ Артуръ Мэсонъ — мальчикъ четырнадцати лѣтъ. Изъ родителей, въ живыхъ у него была только мать, которая, будучи богата, страшно баловала своего сына, не отказывая ему ни въ одномъ капризѣ. Этимъ она очень испортила характеръ Артура, сдѣлала его эгоистомъ, Мать же Фридриха напротивъ пріучила своего сына къ умѣренности, уговаривая его не огорчаться, если многія изъ его желаній не будутъ исполнены. Кромѣ того Артуръ Мэсонъ поставилъ себя въ школѣ сразу въ ложныя отношенія съ товарищами; какъ мальчикъ богатый, онъ раздавалъ имъ много подарковъ, вслѣдствіе чего у него было много льстецовъ, поклонниковъ, которые удовлетворяли его гордости и тщеславію. Артуръ Мэсонъ отличался отъ Фридриха своимъ характеромъ также, какъ и наружностью: Фридрихъ былъ блондинъ — съ нѣжнымъ цвѣтомъ лица и голубыми глазами, — Артуръ же былъ смуглый, съ черными какъ смоль волосами.

Урокъ латинскаго языка продолжался. Артуръ, какъ первый ученикъ, сидѣлъ на первомъ мѣстѣ; Фридрихъ же, какъ вновь поступившій, сидѣлъ на послѣднемъ.

Артуръ началъ переводить. Въ это время одинъ изъ учениковъ спросилъ о чемъ-то доктора Вильби и покамѣсть тотъ ему отвѣчалъ, Артуръ сдѣлалъ важную ошибку въ переводѣ, которая для учителя прошла незамѣченною. Между тѣмъ Стэнли слѣдилъ за переводомъ и, замѣтивъ ошибку, съ удивленіемъ посмотрѣлъ на учителя, потому что она прошла безъ поправки. Дождавшись своей очереди переводить, онъ спросилъ доктора: „Неужели такъ слѣдуетъ переводить это мѣсто, какъ перевелъ его Мэсонъ?“ (тутъ онъ прочелъ и перевелъ тѣ слова, на которыхъ Артуръ ошибся).

Вильби, спросивъ Артура, такъ ли онъ сдѣлалъ переводъ, попросилъ Фридриха поправить его; и когда тотъ дѣйствительно его поправилъ, онъ сказалъ: Мистеръ Стэнли, перемѣнитесь мѣстами съ Мэсономъ.

— Я не желаю отнимать у него мѣста, отвѣчалъ сконфузившійся Фридрихъ.

Но учитель, не смотря на нежеланіе Фридриха, заставилъ ихъ помѣняться мѣстами. Лице Мэсона вспыхнуло отъ досады: онъ думалъ, что все это было сдѣлано Фридрихомъ съ цѣлью его осрамить и самому занять первое мѣсто; потому онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда окончится урокъ. Въ этой школѣ ученикамъ давался получасовой отдыхъ въ 12 часовъ, послѣ котораго ученики занимались еще до половины четвертаго и затѣмъ уже расходились по домамъ. Докторъ Вильби кончилъ по обыкновенію урокъ въ двѣнадцать часовъ и вышелъ изъ класса. Дождавшись пока не стихли его шаги, Артуръ Мэсонъ со злостью накинулся на Фридриха.

— Чего вы хотѣли, говорите? Чего вы добивались! кричалъ онъ. Фридрихъ совершенно спокойно отвѣчалъ ему: „Съ ума вы сошли, что ли? Я вамъ ничего не сдѣлалъ.“

— Вы ничего не сдѣлали!? Не правда ли, это значитъ ничего не сдѣлать: вы заставили доктора Вильби сдѣлать выговоръ цѣлому классу при постороннихъ. Вы нарочно слѣдили за моимъ переводомъ, и когда я сдѣлалъ ошибку, вы, вмѣсто того, чтобы подсказать какъ ее исправить, нарочно спросили учителя. Я знаю, вы хотѣли занять мое мѣсто. Предупреждаю, что вы не долго на немъ удержитесь.

— Съ чего вы взяли, будто я добиваюсь „вашего“ мѣста, какъ вы его называете. Да оно совсѣмъ и не ваше, оно одинаково принадлежитъ всякому ученику, который его достигнетъ. Теперь оно мое и я постараюсь его удержать.

— Такъ вы ставите себя выше меня. Хо-

рошо же, вы должны придти сегодня на лугъ за церковью и я посмотрю, не лучше ли я васъ въ чемъ нибудь другомъ. Хватитъ ли у васъ храбрости драться тамъ со мной, — быстро проговорилъ Артуръ, почти задыхаясь отъ злости.

— Что такое? Я совсѣмъ не понимаю, отвѣчалъ Фридрихъ, — какое отношеніе между моимъ мѣстомъ въ классѣ латинскаго языка и дракою?

— Въ самомъ дѣлѣ! вы не понимаете, какое отношеніе существуетъ между вашимъ мѣстомъ и дракою?! Артуръ старался подражать спокойному голосу своего противника. — Я такъ и думалъ, что вы трусъ; потому что трусость и низость идутъ рука объ руку.

Во время этой ссоры находились въ классѣ только тѣ мальчики, которые почитали Мэсона, какъ за его подарки, такъ и за физическое превосходство. А когда Артуръ назвалъ Фридриха трусомъ, они хоромъ повторили за нимъ:

— Трусъ, трусъ!! сопровождая эти слова обидными тѣлодвиженіями. Фридрихъ помнилъ совѣты и наставленія своей матери и потому онъ сдерживалъ себя, но при словѣ „трусъ“ вся кровь бросилась ему въ лицо и онъ еле-еле владѣлъ собою. Какъ нарочно, въ это время одинъ изъ мальчиковъ, тутъ стоявшихъ, заступился за Артура и сказалъ: Я еще раньше могъ сказать, что онъ трусъ. Когда мы шли въ школу, я слышалъ, какъ его отецъ бранилъ за то, что онъ боялся.

Фридрихъ не могъ опровергнуть этого обвиненія; онъ самъ его хорошо помнилъ. Утромъ онъ не понялъ своего отца, но теперь все объяснилось: его отецъ тоже думалъ, что онъ трусъ. При этой мысли послѣдній остатокъ воли пропалъ и Фридрихъ, не помня себя, закричалъ:

— Я буду драться... не съ однимъ... со всѣми, со всѣмъ свѣтомъ!! Меня изувѣчатъ, убьютъ... ничего; но отецъ мой не долженъ считать меня трусомъ!..

Долго еще говорилъ онъ; но что и въ какихъ выраженіяхъ, Фридрихъ и самъ не помнилъ. Но онъ говорилъ такъ сильно, что всѣ стихли съ той минуты, какъ онъ началъ говорить.

Тотчасъ же были сдѣланы условія драки и назначено мѣсто, гдѣ она должна быть, именно на лугу за церковью.

Весь остальной классъ до половины четвертаго, Фридрихъ провелъ въ забытьи, дурно отвѣчая на предлагаемые вопросы; и хорошее мнѣніе, составленное объ немъ докторомъ, вѣроятно измѣнилось къ худшему.

Наконецъ классъ кончился.

— Готовы ли вы? спросилъ Артуръ, подходя къ нему. Фридрихъ отвѣчалъ утвердительно, и они, сопровождаемые почти всѣмъ классомъ, отправились на мѣсто поединка.

ГЛАВА III.

угъ, который назначили наши герои для поединка, былъ когда-то назначенъ подъ кладбище. На немъ успѣли похоронить только одного, потому что вскорѣ запретили хоронить на этомъ мѣстѣ. Бѣлая мраморная доска надъ могилой похороненнаго осталась и до сихъ поръ. На этомъ лугу ежедневно раздавался свѣжій юношескій смѣхъ, происходили игры, шалости или, какъ въ настоящемъ случаѣ, школьные турниры.

. . . . . .

Какъ могутъ только мальчики драться въ виду церкви и могилы?! Да мы-то всѣ не то ли же самое дѣлаемъ? Также кругомъ насъ

*

стоятъ церкви, возносятъ къ облакамъ свои главы," напоминая намъ постоянно о Богѣ; съ кафедръ церквей гремятъ обличительныя слова: какъ много напоминаетъ намъ о земной жизни Того, кому мы должны всегда и во всемъ подражать! Но достигается ли цѣль этими напоминаньями? Нисколько. Люди продолжаютъ также драться при всякомъ случаѣ, живутъ, заѣдая одинъ другаго: сильный на счетъ слабаго. Однако обратимся къ нашимъ героямъ. Они стоятъ другъ противъ друга безъ куртокъ, съ повязанными головами и ожидаютъ знака, чтобы броситься другъ на друга. Для Фридриха эта драка въ новинку не только что, какъ для участника, но какъ и для зрителя. Присутствовавшіе замѣтили неумѣнье его, они знали также, что Артуръ Мэсонъ старше Фридриха; при томъ онъ считался первымъ силачемъ въ школѣ и бралъ уроки боксированія. Многіе пожалѣли Фридриха и надавали ему всякихъ полезныхъ совѣтовъ въ этомъ дѣлѣ. Одинъ даже посовѣтовалъ Фридриху извиниться предъ Мэсономъ (не смотря на то что чрезъ это онъ могъ лишиться прекраснаго (!) зрѣлища), говоря:

— Самое худшее, что будетъ въ этомъ случаѣ: вы получите названіе „труса". Но дурныя слова не удары вѣдь: костей не сломаютъ.

Фридрихъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на послѣдній совѣтъ, и только на минуту вспыхнулъ при словѣ „трусъ." Онъ былъ очень спокоенъ, не смотря на блѣдность, покрывавшую его лице. Сначала онъ былъ взбѣшенъ Артуромъ, потомъ же занятый одною мыслью — доказать своему отцу, что онъ не трусъ, онъ сталъ смотрѣть на своего противника, какъ на средство доказать свою храбрость: „Я все вынесу, лишь бы отецъ не думалъ...". Кажется, въ эту минуту онъ бы безъ боязни бросился внизъ головой съ третьяго этажа — все для того, чтобы опровергнуть отцовское мнѣніе о его трусости.

Оно и понятно. Мать Фридриха въ отсутствіе мужа постоянно внушала ему сильное уваженіе къ отцу: принимать его неудовольствіе или выговоръ, какъ самое жестокое наказаніе, — а одобреніе, какъ высочайшую награду. Его отецъ былъ военный и проводилъ жизнь въ постоянныхъ стычкахъ съ индѣйцами и потому — быть такимъ храбрымъ, какъ отецъ, составляло верхъ желаній Фридриха. И вдругъ самъ отецъ называетъ его трусомъ!

По данному знаку начался бой. Фридрихъ старался сначала только отражать удары, которые такъ и сыпались на него; почувствовавъ же боль, онъ сталъ самъ нападать. Но гдѣ ему совладать съ первымъ бойцомъ въ школѣ? Ни одинъ ударъ Фридриха не попадалъ въ цѣль и много разъ онъ махалъ по воздуху. Такая борьба не могла продолжаться долго и вскорѣ Фридрихъ, ошеломленный ловкимъ ударомъ, лежалъ на землѣ, а Артуръ стоялъ надъ нимъ съ торжествующимъ видомъ, требуя сознанія въ трусости.

— Ни за что! вскричалъ Фридрихъ, быстро поднимаясь съ земли и начиная опять драку. Хотя на этотъ разъ онъ былъ уже опытнѣе и ловче отражалъ удары противника, даже самъ нанесъ ихъ нѣсколько, — но все же онъ опять лежалъ у ногъ Артура и кровь текла у него и изо-рту, и изъ носу. Нѣкоторые изъ старшихъ мальчиковъ выдвинулись впередъ и, позабывъ свой страхъ предъ Артуромъ, говорили, помогая Фридриху подняться: „Откажитесь; вы уже доказали свою храбрость... Вы не пара Артуру. Никто не назоветъ васъ трусомъ... пускай Мэсонъ называетъ васъ этимъ именемъ, сколько ему угодно."

Артуру самому было жаль Фридриха и онъ бы отказался отъ продолженія драки, не требуя ничего унизительнаго отъ Фридриха, но послѣднія пренебрежительныя слова на его счетъ опять взбѣсили его:

— Не я одинъ называю его трусомъ, его и отецъ такъ называетъ, и онъ это долженъ хорошо знать, сказалъ Артуръ.

Фридрихъ вырвался изъ рукъ своихъ товарищей и со словами: „никто не назоветъ меня трусомъ“, бросился на Артура. Артуръ не сталъ больше наносить ударовъ, а обвивши его руками, старался повалить на землю. Фридрихъ, болѣе ловкій въ борьбѣ, долго ему противился и наконецъ упавши вмѣстѣ съ Артуромъ, все-таки продолжалъ борьбу. Они катались по землѣ изъ стороны въ сторону, то немного приподнимались, то опять падали, не выпуская другъ друга; случайно они упали на могильную плиту, такъ что одна изъ рукъ Фридриха попала подъ него. Артуръ легко высвободился и сказалъ: „Я не дамъ вамъ встать, пока вы не откажетесь драться. Я болѣе не стану называть васъ трусомъ.“ Фридрихъ повернулся и застоналъ, и въ это время такъ сильно поблѣднѣлъ, что Артуръ испугавшись, спросилъ его:—что съ вами? не ушибли ли вы головы?

— Нѣтъ... моя рука... она подо мною... я не могу ею шевельнуть.

Мальчики, которые окружили его, осторожно его подняли. Онъ почувствовалъ такую сильную боль въ рукѣ, что чуть не лишился чувствъ.

— Я отказываюсь драться, сказалъ онъ Артуру, — потому что рука моя сломана.

— Какъ?!. сломана!.. быть не можетъ... вскричалъ тотъ испуганнымъ голосомъ.

Въ это время къ толпѣ, окружавшей Фридриха, подошелъ господинъ — отецъ одного изъ товарищей Фридриха; онъ жилъ по близости отъ этого мѣста и пришелъ по зову сына, который въ испугѣ прибѣжалъ домой и разсказалъ ему случившееся. Онъ осторожно перевязалъ сломанную руку и хотѣлъ отнести его домой къ полковнику Стэнли.

— Но что будетъ тамъ съ моей матерью? грустно сказалъ Фридрихъ.

— Дѣйствительно, лучше отнести къ доктору.

— Призовите, пожалуйста, моего отца. Сэръ, будьте такъ добры, обратился Фридрихъ къ пришедшему господину,— позовите моего отца, прежде чѣмъ мнѣ перевяжутъ руку.

Артуръ стоялъ здѣсь же смущенный, раскаяваясь въ своемъ поступкѣ, и не принимая участія въ услугахъ, которыя оказывались Фридриху всѣми его товарищами.

— Артуръ, сказалъ ласково Фридрихъ,— не вините себя, что вы сломали мнѣ руку. Я самъ сломалъ ее о могильную плиту.

Слезы навернулись на глазахъ Артура отъ этихъ словъ; но онъ подумалъ, что неприлично плакать мужчинѣ, и удержалъ ихъ.

— Не могу ли что-нибудь сдѣлать для васъ, Фридрихъ?

— Да, Артуръ: вы скажете моему отцу, что я не трусъ.

— Я непремѣнно скажу ему это, отвѣчалъ Артуръ, у котораго даже исчезъ страхъ отвѣтственности предъ отцемъ Стэнли, при видѣ грустнаго положенія своего бывшаго противника.

Фридриха понесли къ доктору. Мальчики, которымъ не позволили за нимъ слѣдовать (что они сдѣлали бы съ большою охотою), стали группами расходиться по домамъ. Одна изъ этихъ группъ встрѣтила полковника Стэнли, который, безпокоясь долгимъ отсутствіемъ сына и кромѣ того вслѣдствіе безпокойства на счетъ того же своей жены, шелъ отыскивать Фридриха. Одинъ изъ встрѣтившихся мальчиковъ сказалъ довольно громко: „вотъ его отецъ.“ Полковникъ Стэнли, услыхавъ это, спросилъ мальчиковъ о своемъ сынѣ.

— Онъ у доктора Милля (имя доктора, къ которому его отнесли), отвѣчали наперерывъ ученики.

— У доктора Милля! Развѣ съ нимъ случилось что нибудь?

— Говорятъ, что у него сломана рука.

— Его рука сломана! Какъ же это случилось? И не дожидаясь отвѣта, полковникъ быстро пошелъ къ доктору. Мальчики, еле поспѣвавшіе за нимъ, разсказывали какъ Фридрихъ дрался съ Артуромъ Мэсонъ, и какъ послѣдній сломалъ ему руку. „Что толь-

ко могло довести его до драки?“ думалъ встревоженный полковникъ. Онъ видѣлъ своего сына въ кругу семьи кроткимъ и нѣжнымъ, и даже опасался, чтобы изъ Фридриха вслѣдствіе мягкости характера, не вышелъ „баба.“ Странно! Пока эти мысли успѣли у него промелькнуть въ головѣ, онъ уже пришелъ къ доктору. Тамъ лежалъ Фридрихъ съ разбитымъ лицомъ и перевязанною рукою. Докторъ, обмывавшій въ это время ему лицо, замѣтилъ вошедшаго полковника и дѣлалъ ему знакъ молчать.

— Благодарю васъ, сэръ, сказалъ Фридрихъ по окончаніи обмыванья: онъ лежалъ все съ стиснутыми зубами и закрывши глаза, какъ человѣкъ рѣшившійся перенести всякую боль.

— Теперь подайте лубокъ и перевязки, сказалъ докторъ, приготовляясь вправлять руку. Вамъ будетъ немного больно; но вы должны терпѣливо вынести эту боль.

— Я бы и не обратилъ на нее вниманія, еслибъ здѣсь былъ мой отецъ. Подождите его прихода.

Докторъ, опасавшійся, ради своего паціента, присутствія полковника Стэнли, видя, что больной самъ этого желаетъ, знакомъ подозвалъ полковника и сказалъ: „Посмотрите, Фридрихъ.“

Въ это время отецъ его нагнулся, чтобы поцалуемъ замаскировать свое замѣшательство.

— Артуръ! — гдѣ Артуръ? спросилъ больной слабымъ голосомъ.

Артуръ приблизился.

— Теперь скажите папашѣ...

— Не смотрите на него такъ, папа, сказалъ онъ, замѣтивъ строгій взглядъ отца на Артура;—Артуръ не виноватъ въ томъ, что я сломалъ себѣ руку...

Артуръ перебилъ его: „Я виноватъ въ томъ, что мы съ нимъ дрались и прежде бранились: я довелъ его до драки. Но онъ не трусъ, сэръ.“

— Трусъ! А кто же думалъ, скажите, что онъ трусъ?

Артуръ немного смутился этимъ вопросомъ, но послѣ нѣкотораго колебанія онъ сказалъ: „Такъ думали сперва мальчики и одинъ изъ нихъ слышалъ, какъ вы сами утромъ на дорогѣ въ школу бранили его за то, что онъ „боялся.“ Это, по моему — и заставило драться Артура.“

— Какъ!? Неужели одно опрометчивое слово было причиной всего этого несчастія?

Фридрихъ слѣдилъ за своимъ отцомъ во время разсказа Артура и теперь онъ сказалъ:

— Такъ вы не считаете меня трусомъ, папа?

— Нѣтъ, мой милый мальчикъ; я увѣренъ, что ты не трусъ, и ты вѣроятно выкажешь это при перевязкѣ твоей руки.

— Только будьте вы со мной, папа, восторженно сказалъ мальчикъ. Вамъ, Артуръ, будетъ непріятно видѣть, потому прощайте и передайте товарищамъ слова моего отца.

Артуръ съ радостью воспользовался случаемъ уйти. Докторъ, дождавшись окончанія этой сцены, велѣлъ переложить больнаго на тюфякъ, на которомъ можно было бы перенести больнаго въ домъ его отца.

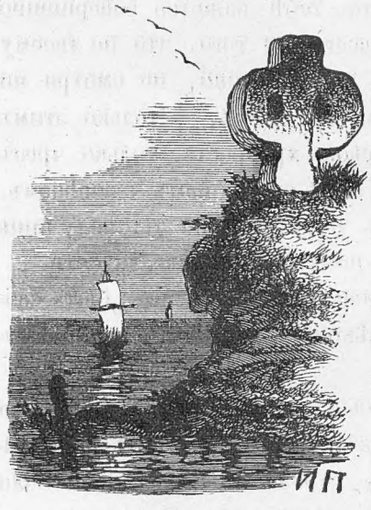
— Папа, положите вашу руку на меня, чтобы я чувствовалъ что вы здѣсь, сказалъ Фридрихъ. Когда отецъ исполнилъ эту просьбу, операція началась. Она была очень мучительна, потому что рука была сломана въ двухъ мѣстахъ и докторъ думалъ, что Фридриху — такому маленькому мальчику, не вынести ея безъ криковъ и слезъ и, можетъ быть, его придется держать. Фридрихъ, блѣдный какъ полотно, лежалъ съ закрытыми глазами и ни разу не пошевелился и не испустилъ ни одного стона. Во время операціи раздался одинъ стонъ, но только не его: это отецъ его застоналъ, услыхавъ, какъ хрустнули кости въ рукѣ его сына.

Когда докторъ положилъ послѣднюю перевязку, полковникъ сказалъ: „Ну, Фридрихъ, ты перенесъ операцію, какъ герой; и въ этомъ случаѣ ты храбрѣе своего отца.“ Полковникъ былъ очень доволенъ, сказавъ эти слова и слезы сверкнули у него на глазахъ.

— Передайте это мамашѣ, попросилъ сынъ.

Мать въ это время сильно безпокоилась и чего-чего только не передумала она о своемъ сынѣ. Такъ что когда полковникъ, пришедъ домой, сказалъ ей о сломанной рукѣ сына, она уже успокоилась немного. Разсказывая о случившемся, полковникъ ловко перемѣшивалъ похвалы своему сыну съ его страданіями; и мистрисъ Стэнли плакала столько же отъ гордости за своего сына, сколько и отъ сочувствія къ его страданіямъ. Когда Фридриха принесли, она уже встрѣтила его спокойно и даже весело, приготовивъ все нужное для его удобства.

ГЛАВА IV.



ридрихъ быстро поправлялся отъ своего ушиба, и по прошествіи трехъ недѣль онъ могъ уже выходить. Во время болѣзни, Фридрихъ не оставался одинъ: или при немъ былъ кто нибудь изъ его семейства, или его навѣщали товарищи и чаще всѣхъ Артуръ.

Однажды утромъ, когда у постели его сидѣлъ отецъ, затѣялся разговоръ о истинной храбрости.

— Скажите, папа, въ чемъ же состоитъ истинная храбрость? продолжалъ Фридрихъ начатый разговоръ.

— Скажи прежде, какъ ты ее понимаешь?

— Какъ я ее понимаю? да она.. она... подождите, дайте подумать. Фридрихъ задумался.

— По моему, истинная храбрость состоитъ въ томъ, что человѣкъ не боится никого, не боится даже множества людей и готовъ съ ними драться. Вотъ какъ вы, папа: на васъ съ маленькимъ отрядомъ напало много индѣйцевъ и вы встрѣтили ихъ храбро; люди ваши не хотѣли сражаться; вы ихъ остановили, заставили драться и обратили въ бѣгство индѣйцевъ. Я думаю, это была истинная храбрость.

— Только въ этомъ и состоитъ истинная храбрость? спросилъ улыбаясь, отецъ.

— Какъ же?! Если человѣкъ не боится даже цѣлой арміи людей, то онъ, само-собой, не испугается ни собаки, ни лошади, ни тигровъ и львовъ.

— Я не думаю такъ, возразилъ смѣясь отецъ. Я охотнѣе встрѣтился бы съ цѣлой арміей индѣйцевъ, чѣмъ съ нѣсколькими львами. Впрочемъ не въ томъ дѣло... А думалъ ли ты когда нибудь, Фридрихъ, что есть вещи, которыхъ человѣкъ долженъ бояться больше всякихъ физическихъ страданій, даже больше самой смерти?

— Нѣтъ, папа, я объ этомъ вовсе не думалъ.

— Слушай, Фридрихъ. Ты вѣроятно знаешь, что такое дуэль. Такими храбрыми ты считалъ людей, рѣшившихся выйти на дуэль.

— Да, папа.

— Знай, мой милый мальчикъ: изъ десяти случаевъ дуэлей — девять были навѣрное изъ страха; да, изъ страха быть поднятыми на смѣхъ, быть принятыми за трусовъ; и этотъ страхъ общественнаго мнѣнія заставлялъ ихъ дѣлать то, на что бы они не рѣшились ни въ какомъ другомъ случаѣ.

Полковникъ остановился. Фридрихъ былъ сильно заинтересованъ и смотрѣлъ во всѣ глаза на своего отца, когда тотъ говорилъ, и теперь сказалъ съ нетерпѣніемъ:

— Въ чемъ же состоитъ истинная храбрость, если и эти люди не храбры?

— Тотъ, кто истинно храбръ, боится только двухъ существъ: Бога и самого себя.

— Самаго себя!

— Да, мой сынъ; истинно храбрый тотъ, кто боится, что его собственный легкомысленный гнѣвъ или ошибочныя мнѣнія могутъ ввести въ дурной поступокъ; кто, убѣдившись въ своей правотѣ, дѣйствуетъ, также какъ ты сказалъ, не обращая вниманія ни на угрозы, ни на гоненія своихъ противниковъ; но кромѣ того, онъ не обращаетъ вниманія и на ихъ смѣхъ и презрѣніе. Онъ не свернетъ съ своего пути (праваго по мнѣнію), не смотря на противодѣйствіе ему окружающихъ. Такимъ образомъ, ты видишь, Фридрихъ, храбрость можетъ выражаться и не въ такихъ случаяхъ, какъ драка: въ иныхъ случаяхъ тотъ, кто отказывается отъ драки, долженъ имѣть больше храбрости, чѣмъ принимающій вызовъ.

Фридрихъ задумался. Послѣ нѣкотораго молчанія, онъ сказалъ:

— И я думаю, папа, что я бы сдѣлалъ гораздо лучше, еслибъ не дрался съ Артуромъ Мэсонъ.

— Я вижу, что ты понялъ меня, съ радостію сказалъ отецъ, потому что ты сразу такъ удачно подтвердилъ это примѣромъ.

Насиліе, драка, никуда не годятся въ *обществѣ* людей и это ты хорошо чувствуешь, потому ты и сознался, что тебѣ не слѣдовало драться съ Артуромъ Мэсонъ.

— А все-таки можно когда-нибудь драться, папа?

— Можно, мой другъ; когда, напримѣръ, угнетаютъ слабаго, то непремѣнно нужно заступиться за него, хоть бы для этого пришлось вступить въ драку; или когда угрожаетъ опасность твоимъ друзьямъ или родинѣ, то истинно храбрый человѣкъ первымъ броситься на встрѣчу опасности. Стоя за справедливость, онъ не побоится, ни множества угрожающихъ ему рукъ, ни множества колкихъ словъ и ѣдкихъ улыбокъ на его счетъ. Полковникъ говорилъ съ жаромъ, ударяя на каждомъ словѣ. Послѣ небольшой паузы, онъ продолжалъ:—Я потому говорю такъ горячо съ тобой объ этомъ, такъ какъ единственно отъ этого качества — высокаго самообладанія или храбрости, зависитъ и твое счастіе въ жизни и... да безъ этаго качества не можетъ существовать человѣческаго достоинства.

— А развѣ трусы никогда не бываютъ хорошими людьми?

— Они могутъ быть добрыми и имѣть пріятный характеръ, но они ради того, „что скажетъ свѣтъ,“ готовы измѣнять себѣ на каждомъ шагу и дѣйствовать противно человѣческому достоинству. Запомни мои слова, милый; когда ты выростешь и выступишь на самостоятельную дѣятельность, то мои обязанности, какъ солдата, отдалятъ меня отъ тебя, вспоминай тогда мои слова: „дѣлай то, что тебѣ кажется совершенно *справедливымъ;* всего же того, что по твоему несправедливо, не исполняй, не смотря ни на угрозы, ни на смѣхъ; — только этимъ ты выкажешь свою храбрость, только чрезъ это ты можешь быть свободнымъ человѣкомъ. Само-собой, къ тому времени ты получишь уже истинныя понятія о справедливости.

Фридриха сильно поразили слова „быть свободнымъ человѣкомъ“, такъ что онъ повторилъ ихъ.

— Да, мой сынъ,— подхватилъ его слова отецъ,— тотъ, кто боится поступать по справедливости изъ страха ли физической боли или насмѣшекъ, тотъ рабъ. Запомнишь ли ты это? и будешь ли всегда свободнымъ въ этомъ смыслѣ человѣкъ?

— Я обѣщаю—обѣщаю, папа, воскликнулъ Фридрихъ.

— О, дай Богъ! Какъ будетъ спокоенъ твой отецъ, если ты въ силахъ будешь исполнить свое обѣщаніе; потому что ты тогда будешь поступать хорошо и благородно, въ точномъ смыслѣ этого слова.

(*Продолженіе будетъ*).

Редакторъ-издательница М. Ростовская.

Дозволено цензурою, 3-го іюня 1869 г. С.-Петербургъ, типографія Майкова, въ д. Мин. Финан., на Дворц. площади.